
History and Historians in the Context of the Time

Has been issued since 2003.
ISSN 2078-1296
2013. Vol.(10). № 1. Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Dr. Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Krasnodar, Russia
Dr. Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia
Dr. Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russia

Website: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.6.13.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 200 copies. Order № 1.

History and Historians in the Context of the Time

2013

№

1

Издается с 2003 г. ISSN 2078-1296
2013. № 1 (10). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Колесник Ирина – Институт истории Украины НАН Украины, Киев, Украина
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Рожков Александр – Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Януш Сергей – Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.6.13.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 200 экз. Заказ № 1.

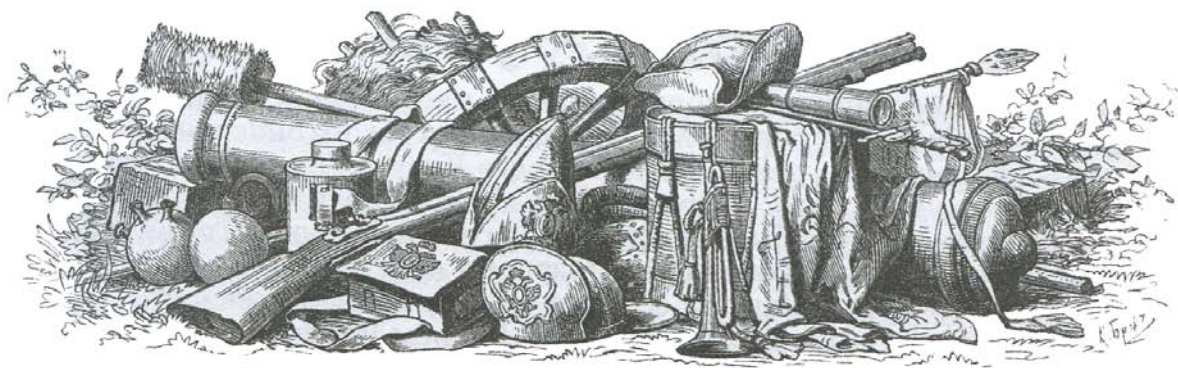
CONTENTS

I. HISTORY

Genesis of Cossack Khutor (Farm Yard) and Generating of Peasant Proprietors in the Kuban Region from late XVIII Century till the end of 1920s Skorik A.P., Fedina I.M.	4
Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War Sivkov S.V.	15
Missing Page of Book of Condolence Kalmykov N.P.	24
Interior Life of Kiev Cryptos (1941–1943) Slobodyanyuk N.A.	30
Festive Commemorations as a Part of the Soviet Politics of Reminiscence of the Nazi Occupation (the Kharkov Region Case Study), 1943–1953 Sklokina I.Y.	40
Topical Issues of Estimation and the Possibility to Study Historical and Cultural Heritage of Sochi Winter Olympic Games 2014 Gzhibovskaya O.V., Murzanaeva E.N.	47
UN Activity at the New Historical Stage: Termination of Confrontation between Two Superpowers Shaparenko V.V.	52

II. HISTORIANS

“WE USED TO BE THE STRANGE STUDENTS OF THE STRANGE DEPARTMENTS”: Review of O.L. Ryabchenko’s Monograph “Students of Soviet Ukraine of 1920-1930s: Daily Life and Identification Conflicts. Kharkov”: Kharkov National Academy of Municipal Services, 2012. 456 p. ISBN 978-966-695-238-0 (Ukrainian language) Rozhkov A.Yu.	58
--	----

I. HISTORY

UDC 94(470) „18” „1920”

Genesis of Cossack Khutor (Farm Yard) and Generating of Peasant Proprietors in the Kuban Region from late XVIII Century till the end of 1920s

¹Aleksandr P. Skorik

²Irina M. Fedina

¹South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute), Russia
Dr. (History), Professor

²Kuban Social and Economic Institute, Russia
PhD (History)

Abstract. The article discloses the process of Cossack khutor establishment and development in the Kuban Region as the adapted social and economic world order of the migrated agricultural population. The change of the generations, which laid the basis of Cossack khutor prosperity by the early XX century is shown. The cause and effect relationship of decay of khutor household in the Kuban Region by the end of 1920s is indicated.

Keywords: nonresident population; Cossack Khutor; “Krasniy Oboz”; migration; migrants; types of settlements; brave Kuban residents; peasant proprietors.

Введение. В современный век урбанизации с образованием множества мегаполисов и неизменной привлекательностью городской жизни наблюдается достаточно четко выраженная тенденция сохранения и создания малых поселенческих образований, и речь идет вовсе не о «рублевских затворниках» в Подмосковье, а о хуторской системе поселений на Кубани, 220-летняя история которой восходит к началу переселения запорожцев на новые земли. Причем, хуторской тип поселений тогда даже начал в определенной мере доминировать, или, по крайней мере, нисколько не уступал по своей востребованности в казачьей среде традиционным куреням. В структуре хуторского поселения были сконцентрированы многообразные взаимодействующие и взаимопроникающие факторы – природно-климатические, географические, хозяйственно-экономические, социальные и психологические особенности.

Форму землепользования «с нравом вольной заимки» запорожские казаки перенесли на Кубань со своего прежнего места проживания. Из 40 первых куреней, основанных 25 тысячами новоселов, выделилось довольно много лиц, поселившихся отдельными хуторами по берегам степных кубанских рек. Пионерами обособленной жизнедеятельности на Кубани, первыми хуторянами становились казачьи чиновники, пользовавшиеся большим

влиянием в ходе развернувшегося переселения, и наиболее зажиточные казаки [1]. Земельная воля, когда, как в распространенном анекдоте, запорожцу, помимо уже законно имеющегося земельного надела, можно было прихватить землицы и «на помидорчики», подстегивала казаков получить отдельный земельный участок и обустроиваться, непременно сохранив связь с куренем, с основным станичным поселением.

Обсуждение. В историографическом плане казачий хутор остается малоизученной и несколько полузабытой страницей в региональном историописании. Известный кубанский историк Ф.А. Щербина в своей работе «Земельная община кубанских казаков» обозначил два основных вида поселений, сложившихся в Черномории к началу переселения казаков: курень и хутор. Критериальное различие между ними, по его мнению, заключалось в том, что «курень был поселением административным и хозяйственным вместе, хутор по преимуществу хозяйственным» и что необходимость существования хуторов в Черномории «вытекала из хозяйственных потребностей отдельных лиц, как самостоятельных предпринимателей» [2].

Одним из первых красноречивых исторических свидетельств об образовании казачьих хуторов на Кубани стало сообщение войскового судьи, полковника Антона Андреевича Головатого от 26 сентября 1794 г. в войсковом правительстве. В нем отмечалась: «пришедшие и ныне приходящие на войсковую землю сего войска старшины и казаки, не поселяясь на назначенных под куренные селения местах заводят свои хутора по разным рекам и урочищам, чем навлекают куренным атаманам в выставлении на службу казаков и в отыскании праздношатающихся по войсковой земле и не принадлежащих к войску беглых из разных мест великое затруднение» [3].

Итак, образование хуторов, с одной стороны, объяснялось изначальным стремлением казаков к хозяйственной обособленности, а с другой – известной перенаселенностью (отчасти также объясняемой вынужденной скученностью жителей из-за набегов горцев) кубанских станиц, что даже при наличии организационно-хозяйственных сложностей подстегивало определенную часть казаков выделяться на хутора. В результате обозначенных обстоятельств каждая крупная кубанская станица насчитывала не менее 10 – 40 хуторов. Так, станица Марьинская «обросла» небольшими поселениями настолько, что в юртовом пределе оказалось даже 45 хуторов. В описании станицы Васюринской, насчитывавшей 32 хутора, отмечалось: «В юрте станицы очень много хуторов, расположенных по течению рр. Кочеты 2-е и Кочеты 3. Хутора, как и сама станица, летом тонут в зелени садов и рощиц. Заниматься хозяйством, разводить птицу, скот гораздо удобнее на хуторах» [4].

Особенности исторического типа кубанского хутора становятся очевидны при его сравнительно-историческом анализе с центрально-российским вариантом. Говоря о поселенческом сходстве и различии с хутором крестьянским, следует заметить, что, для центральной России хутор представлял собой, прежде всего, малый населенный пункт, состоявший, как правило, из одного, значительно реже из нескольких домохозяйств, и рассматривался как располагающаяся отдельно от деревни (села) крестьянская усадьба со своим обособленным хозяйством. Казачий хутор также формировался как относительно небольшое хозяйственное поселение, но гораздо чаще, чем в центральной России, он состоял минимум из нескольких домовладений, и даже по сравнительной численности домовладений, особенно к концу XIX – началу XX вв., казачий хутор явно превосходил крестьянскую деревню. Более того, в казачьих землях хутор по исторически сложившейся смысловой перспективе приобретал несколько иное значение. В изданном в 1925 г. «Списке населенных мест Северо-Кавказского края» перечислено громадное количество хуторов, в том числе кубанских [5]. Причем, в рассматриваемой исторической перспективе росло не только само количество хуторов, но они все более и более превращались в многодворные населенные пункты с постоянным местом жительства для сотен казаков, да так что хутора превышали численность населения центрального поселения. Эти хутора по материальному благосостоянию подавляющего большинства населения были довольно зажиточными, такие как, например, хутор Новоивановский, который образовали, равно как и многие другие кубанские хутора, переселенцы из числа запорожцев, а значит, по утверждению самих жителей, Новоивановский обосновался стараниями ряда поколений «храбрых кубанцев». В хуторе насчитывалось 387 дворов казачьего коренного населения, имелась кирпичная

церковь, церковно-приходская школа, общевоинской завод, 4 торговых лавки, и в распоряжении жителей числилось 14 тыс. десятин общественной земли [6].

Вместе с тем, мы находим так называемое «обособленческое» сходство между хутором казачьим и хутором крестьянским, поскольку и зажиточные крестьяне, и самостоятельные казаки целенаправленно стремились к хозяйственному выделению. Одновременно здесь же начинается различие между рассматриваемыми нами типами хуторов. Казачий хутор могли образовать отнюдь не обязательно очень зажиточные казаки (богатели хутора уже потом, исключительно постоянными хозяйственными стараниями жителей), т.е. в казачьих землях вовсе не действовал столь однозначно принцип экономического расслоения населения. Как уже отмечалось, к созданию хуторов на Кубани, например, заметно тяготели казачьи чиновники.

Нередко наблюдалось вполне обычное выделение хуторов из общего земельного юрта станиц, для чего достаточно было наличия письменного выраженного желания жителей станицы на дополнительный надел «на жительство». Принимался во внимание и наличествующий прирост населения данной станицы. Если в земельном довольствии казаки оказывались стеснены, то направляемые просьбы заслуживали удовлетворения. В ряде таких постановлений подчеркивалось: «разрешить коренным жителям казачьего сословия переселиться на всегданнее жительство на дополнительный надел в образовавшийся новый хутор». В этих случаях появляющиеся хутора имели одноименные названия со станицами, и они поныне существуют на Кубани. К примеру, к станице Куцевской примыкает хутор Куцевский, к станице Кореновской (ныне г. Кореновск) – хутор Кореновский и т.д. Кроме того, переселенцам выдавались подъемные (денежные средства) на обзаведение хозяйства, составлявшие 300 руб. (данные на 1913 г.), и на организацию общественного хуторского хозяйства по 51 руб. 47 коп. Всего казачья семья из семи человек получала 2100 руб. подъемных и на обзаведение хозяйства 360 руб. 29 коп. Из общественного хлебного магазина выдавался будущим хуторянам хлебный запас по 1 четверти озимого [57,33 кг, т.е. примерно мешок] и 4 меры ярового зерна [4 мешка по 57,33 кг, или больше] на каждого человека. Кроме определенного станичным приговором (решением) пособия, переселенцы никакой другой материальной помощи и льгот не получали [7]. Тем самым, казачий хутор возникал на свободных землях, но обязательно в пределах отведенной территории станицы. Именно в этом заключается коренное отличие казачьего хутора от хутора крестьянского.

Хутор, вне всякого сомнения, представлял собой особую социально-экономическую единицу и в центральной России, и в казачьих землях, но для казаков это обстоятельство отнюдь не было таким решающим. Хуторской крестьянин во внутренних российских губерниях по существу выступал исключительно как выделившийся из крестьянской общины сельский предприниматель, сосредоточивший в своих руках хорошие земли и ключевые хозяйственные объекты, прежде всего, мельницы, и это его сущностная характеристика становилась генерализующим основанием во взаимодействии с остальным, более бедным крестьянским миром. Кубанские же хутора располагались не только на пригодных для хлебопашества местах, но и на территориях мало приспособленных для земледелия. Примером тому служит хутор Чухрак. Он располагался на реке Большой Зеленчук в 10-12 верстах от станицы Удобной. К середине XIX в. хутор, насчитывающий приблизительно сто дворов, «вполне планомерно расположенных между собой с богатыми и капитальными надворными сооружениями роскошными фруктовыми садами, рощами и огородами», самостоятельного управления не имел, и все жители входили в состав общества станицы Удобной. «Благоустроенность нашего хутора – плоды наших рук вызывает не только удивление, но и зависть тех, кто хотя однажды побывал в нем, а между тем все пространство, примыкающее к окрестностям хутора за весьма ничтожным исключением представляет собой крайне неблагоприятную территорию для хлебопашества и сенокосов», – так отзывались сами жители о своем хуторе [8].

Хуторской тип поселения неизбежно формировал и хуторскую ментальность. И если хуторской состоятельный крестьянин в известной мере отмежевался от большого крестьянского мира, согласно русской поговорке, «моя хата с краю, я ничего не знаю», то казак неизменно тяготел к своему казачьему сообществу, иначе он переставал быть казаком. Особенности хуторского казачьего менталитета, безусловно, на наш взгляд, нуждаются в самостоятельном научном исследовании, но в данном контексте они для нас выступают

критериальным отличием. Вовсе не случайно в глазах партийно-советских чиновников 1920-х гг. хуторяне и отрубники выглядели как исключительно чуждые духу советского коллективизма индивидуалисты, единоличники. Ведь, по глубокому и довольно стойкому убеждению партийных функционеров, иронично обыгранному А.П. Платоновым в его знаменитом «Котловане», «в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма» [9], не говоря уже об отдельных земельных участках и хуторах.

Казачий хутор вполне может рассматриваться как уникальный способ жизнедеятельности на Юге России, где материальное обогащение не поставлено во главу угла. Здесь зачастую важнее сама возможность самостоятельного хозяйствования, не скованного жесткими поселенческими пределами. Если первоначально казачий хутор на Кубани состоял, как правило, из однокомнатного плетневого дома с сенцами и кухней, амбаром и сараем [10], то затем хутора стали разрастаться и по количеству домовладений, и по численности самих поселений. Войсковое правительство даже пыталось бороться с «хуторянами», но практически безуспешно. В феврале 1797 г. последовал указ о переселении всех (за исключением тех, кто уже имел так называемые «открытые листы» на хутора) старшин и казаков в более крупные, куренные селения. Этот указ казаки попросту проигнорировали. 15 февраля 1801 г. Войсковая канцелярия приказала «строжайше» куренным атаманам и окружным правлениям: «Непременно и без всяких отговоров всех жительствующих футорами старшин и казаков к переселению в куренные селения неослабно понуждать...» [11]. Общевоинская борьба с хуторами, по мнению исследователя Б.Е. Фролова, велась в Черноморском войске и в последующие годы, но без ощутимых результатов [12]. Казачьи хутора своей массой нередко преобладали над основным станичным поселением. Владельцы хуторов в XIX в. сосредоточили в своих руках такое количество земли, каким не пользовались даже станицы. Кроме того, они считали себя вправе «перегонять свои стада с места на место по лицу всей Черномории, где только есть лучший, непотравленный корм». Если к началу XIX в. на Кубани насчитывалось всего 525 хуторов, то к концу 1860-х гг. их количество достигает 3000 [13].

Бурный рост хуторов объяснялся не только хозяйственным развитием региона, но и свидетельствовал о том, что казачий хутор выступал своеобразным житейским вариантом ухода от административного давления, способом уклонения от исполнения общественных повинностей, хотя по определению казачий хутор именно в том же административном отношении привязывался к основному поселению, чего нельзя никак сказать о хуторе крестьянском. Обращаясь с просьбами об отделении, хуторяне на Кубани обязывались «на свои средства содержать хуторское правление, всех должностных лиц, отбывать по Положению все натуральные общественные и денежные повинности, поставлять на службу казаков и приложить свои старания и силы поддержать наше будущее благосостояние на высоте гражданского долга и достоинства верных Отечеству казаков» [14].

Нередко между станичным обществом и хуторами возникали затяжные межпоселенческие конфликты. Станичные общества извлекали немалую материально-экономическую выгоду от наличия в своем составе многочисленных хуторов и активно использовали их общие земельные и лесные угодья, взамен ничего не выделяя на долю хуторов. В изученных нами архивных коллекциях документов отложилось немало дел с просьбами жителей различных кубанских хуторов об административном отделении их от станиц. Для самостоятельного функционирования хутору необходимо было тогда выполнить ряд условий, а именно построить здания правления, хлебного магазина, школы(!) и церкви. Примечательно, что к школам хуторяне относились очень трепетно, утверждая «что дети без школы, – покойники без погребенья, люди без духовного назидания – укор нашей совести» [15].

Иногда хуторяне добивались лишь временного решения актуального для них вопроса, поскольку станичные правления не спешили «отпускать в вольное плавание» хуторские хозяйства, как произошло, к примеру, с хутором Кубанский Майкопского отдела. Хутор в административном порядке отделили от станицы Кубанской того же Майкопского отдела по указу № 26 161 Кубанского областного правления от 27 июня 1900 г. Отделение состоялось в земельном отношении с выделением хутору земельной площади от земель станичного юрта и с учреждением в нем хуторского управления. Причем, раздел этот считался временным, сроком на 10 лет с тем, чтобы по истечении его Кубанским станичным совместно с Кубанским хуторским обществом был бы вновь произведен новый передел с учетом жителей

мужского пола. Отделение хутора от станицы сопровождалось обязательным учреждением управления, прежде всего, по причине «просьб хуторян о значительной отдаленности этого хутора от станицы, что при неудобных путях сообщения и, в особенности, при распутице и разливах р. Пшехи затрудняло правильный полицейский надзор и вследствие постоянно возникающих недоразумений между жителями станицы и хутора из-за землепользования. Окончательно отделен от станицы Кубанской, новый передел право через 10 лет» [16].

В архитектурно-планировочном отношении казачьи хутора, как правило, размещались на местности довольно беспорядочно и преследовали в этом случае цель удобства проживания для самих казаков. Такая беспорядочность оставалась в некотором смысле залогом сохранения казачьего хутора на свободной территории Черномории. Всякое перенесение хутора на другое место требовало больших материальных затрат, сопряжено было с потерями для владельца, и поэтому казаки упорно отстаивали свое право на такое поселение. Большинство кубанских казаков настойчиво защищали хуторскую форму поселений, вплоть до окончательного утверждения советской власти в начале 1920-х гг. Анализ исторических источников позволяет установить совокупность мотивов в демонстративном позиционировании казаками именно такой модели экономического поведения. Во-первых, в обосновании хуторского обособления казаки непременно апеллировали к своему традиционному казачьему мироустройству, или, говоря языком того времени, «общественному и хозяйственному быту». Во-вторых, ими обязательно подчеркивались специфические экономические социально-групповые качества казачества как «врожденных хозяев-хлеборобов, привыкших трудиться на своих собственных наделах». В-третьих, выделенные земельные участки с хуторским поселением неизменно подтверждали особую форму казачьей земельной собственности, составляя тем самым «основу хозяйственности» для кубанского казачества. В-четвертых, казаки видели в хуторской обособленности сохранение «достоинства и независимости казачества». Именно поэтому в архивных коллекциях Государственного архива Краснодарского края отложилось немало коллективных обращений казаков, составленных ими в начале 1920-х гг., в том числе, адресованных для получения желаемого результата в Екатеринодарский отдел Кубанской области, с непреклонными ходатайствами «разрешить поселение на хуторах» [17].

Вместе с тем, хутора для части казаков служили в XIX – начале XX вв. исключительно как летний кош, где они размещались на время проведения основных сельскохозяйственных работ, а на зиму эти казаки перебирались в свой основной станичный дом, в свой курень, чего не практиковалось в центральных российских губерниях. Судя по сохранившимся архивным документам, на Кубани такое отношение к хуторским поселениям было весьма распространенным хозяйственным явлением. Скажем, в приговоре (решении) станичного схода жителей станицы Новомышастовской Ейского отдела от 14 сентября 1910 г. говорится о переселении на хутор Кухаривский. Обосновавшиеся там станичники, тем не менее, круглогодично жить за пределами станицы отказывались и вовсе не стремились окончательно переселяться на свой хутор. Они использовали его в качестве летнего коша, или же сдавали принадлежащие им хуторские усадьбы в аренду на выгодных для себя условиях, фактически проживая в самой станице Новомышастовской [18].

Создание казачьего хутора на Кубани изначально рассматривалось в качестве способа освоения новых земель, методом колонизации территориального пространства с неизбежной функцией защиты от нападений представителей других народов, также претендовавших на эти земли, являвшиеся, тем самым, относительно свободными землями. Так, «в конце XVIII века на левом берегу Протоки, там, где нынче хутор Бараниковский, был выставлен казачий пикет от станицы Полтавской. Это был сторожевой пункт, в цели которого входило предупреждение полтавских постов, расположенных на правом берегу протоки, о вражеских разъездах горцев, иногда заходивших в эти края» [19]. И таких примеров можно привести немало [20].

С установлением советской власти большевики стали планомерно разрушать создаваемый годами, десятилетиями земледельческого труда кубанский локальный казачий мир, одним из важнейших оснований которого выступал хуторской тип поселений. Противостоящим ему антиподом советская власть выдвинула крупные поселенческие структуры с коллективными формами хозяйствования. Марксистская схема крупного машинного производства безапелляционно инкорпорировалась в кубанские казачьи хутора.

Новые власти приступили к внедрению закрепленного постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». Оно ориентировало на переход земледелия от единоличных форм хозяйствования к крупным советским хозяйствам, коммунам, сельскохозяйственным артелям и др.

В соответствии с большевистской доктриной в 1919 г. началась подготовка на Кубани к передаче крупных имений хуторского типа в социалистическую собственность. Так, например, происходит новое земельное межевание в хуторе Яблоновский, принадлежавшем семье Яблоновского. По требованию Екатеринодарского отдельного исполнительного комитета изымается 305 десятин из части участка в 1277 десятин и 92 кв. саженей в пользу свободной коммуны Екатеринодарского отдела. Весьма характерно, что вышеназванное властное решение просто закрепило, образно говоря, «земельный беспредел» коммунаров. Как отмечается в документе, «изъятие в виде риэлтерского захвата продолжалось в течение года» [21]. Тем самым, индивидуальные казачьи хозяйства не вписывались в социалистическую систему коллективного ведения хозяйства, противоречили ее принципам, беспартийно считались неэффективными, слабо связанными с рынком и не способными использовать передовую технику, современные методы хозяйствования.

Однако изменение хуторских поселенческих структур с установлением советской власти на местах приобрело две разнонаправленные тенденции. Если в центральной России начался активный процесс ликвидации хуторов и переселения крестьян в деревни и поселки [22], то в казачьих регионах все происходит с точностью до наоборот: хутора начали уплотняться и активно заселяться, прежде всего, иногородним населением, и одновременно стали создаваться новые небольшие поселения для «местного малоземельного населения». В этой связи обращает на себя внимание обобщение опыта решения земельного вопроса в постановлении Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета в октябре 1923 г. и реализации правовых норм Земельного кодекса Кубано-Черноморской области 1922 г. В постановлении даже специально выделялась категория этих людей – «расселенцы» и в пункте 2 названного акта указывалось: «Всем гражданам, имеющим право наделения землею в порядке ст. 9 Земкодекса, проживающих в населенных пунктах признанных малоземельными и желающих получить землю, если они безземельные или расширить свое землепользование, разрешается выселиться на свободный запас земель Кубчеробласти» [23]. Более того, «расселенцам» «с целью предоставления... наибольшей свободы» предоставлялось право выбора места расселения, для чего предлагалось «разбиться на несколько групп, с количеством не менее 50 семей каждая». Новым «расселенцам» с согласия областного экономического совещания устанавливались «льготы, в виде полного или частичного освобождения их от исполнения общегосударственных местных повинностей: воинской, продналоговой, и пр. в теч. 1 или несколько лет устройства на новых местах». Заметим, о казачестве при этом не говорилось, и его насущные экономические интересы не учитывались, ибо власти шли «навстречу желанию преимущественно беднейшего с/х населения» [24], к которому казачество в преобладающей своей массе не относилось.

Естественным союзником большевиков в ликвидации казачьего хуторского землепользования на Кубани выступила широко развернувшаяся стихийная миграция населения, в свою очередь, вызванная последствиями революционных социальных катаклизмов и кровопролитной Гражданской войны, на фоне которых разразился аграрный кризис и сопутствующий ему голод в российской деревне. Крестьянский миграционный поток хлынул в считавшиеся более благодатными районы Кубани. Теперь уже основателями многих хуторов становятся красноармейцы, бывшие красные партизаны и переселенцы из центральных губерний.

Большевики пытаются целенаправленно использовать сложившуюся социально-экономическую ситуацию для реализации своей политической доктрины и предпринимают соответствующие попытки управления миграционными потоками, чтобы привлечь новых прозелитов на свою сторону теперь уже в относительно мирном противостоянии с белогвардейской, по сути, Кубанью. В 1923 г. советское правительство обратилось к горцам с предложением переселиться в предгорье, на пустующие земли крупных землевладельцев, вынужденных, по понятным причинам, покинуть родные кубанские хутора. На призыв

власти активно откликнулись эстонцы, немцы, греки, искавшие благоприятные места для проживания. Также на Кубани предпочитали селиться целыми хуторами беженцы из Армении, занимавшиеся хлебопашеством и скотоводством. Только в Ходыженском районе в 1925 г. ими были основаны хутора Туби, Маратук, Гунайка, Гойтх и др. [25]

Кубанские хутора становились для переселенцев хорошим жизненным пристанищем, и они обустроивали свои новые поселения всерьез и надолго, рассчитывая на благоприятную жизненную траекторию и благополучные социально-экономические перспективы. Так, бывшие казачьи хутора, заселяемые немцами, отличались своей чистотой и ухоженностью земельных наделов, садов и огородов. К примеру, хутор Морланг станицы Ладожской, по сохранившимся описаниям очевидцев, оставлял хорошее внешнее впечатление как прекрасно организованное поселение с широкой улицей, добротными домами, церковью и школой. Лишь в 1940-е гг., когда по известным причинам немцев выселили из района, от прежней присущей ухоженности хуторских поселений не осталось и следа [26]. Кстати, в сложные времена 1920-х гг. многие хутора, в отличие от нынешних малых сельских поселений, имели собственные школы. Причем, по данным ОГПУ, которым нет оснований не доверять, отложившимся в архивной коллекции фонда Майкопского окружного комитета ВКП(б) Центра документации новейшей истории Краснодарского края, хуторяне содержали учителей за свой счет вплоть до 1925 г. [27].

Топонимика кубанских хуторов 1920-х гг. как лакмусовая бумажка прекрасно отразила советскую направленность переселенческой политики государства, когда одновременно с созданием коллективных хозяйств на карте Кубани появлялись хутора со звучными для того времени наименованиями. Это великолепно иллюстрирует советскую политическую практику стирания неблагожелательного имени, когда публичности советских наименований придавалось особое значение, порой даже в ущерб просто здравому смыслу, ибо первостепенным здесь являлось доминирование социалистического настоящего над представлявшимся тогда менее презентабельным историческим прошлым. Скажем, мы обнаружили в аккумулируемых исторических источниках кубанские хутора имени Л.М. Кагановича, В.И. Ленина, К. Маркса, Октябрьский, Советский и др.

О мощности миграционных потоков и активности миграционной политики свидетельствует образование в каждом районе сразу по нескольку хуторов. К примеру, в Отрадненском районе, только в 1925 г., переселенцы образовали 7 хуторов, у каждого из которых сложилась своя поселенческая история. Местные краеведы отмечают, что хутор Муравьи населялся жителями из разных мест; хутор Красный батрак был основан батраками помещиков Мазаева, Макеева, Стоянова; хутор Веселый возник путем организации животноводческой фермы из числа коров, экспроприированных у раскулаченных в станицах Подгорной и Бесстрашной [28]. Большинство переселенцев создавали хутора на бывших помещичьих землях, причем часть новых хуторян получала в бесплатное пользование земли исключительно за лояльное отношение к советской власти. Лояльность жителей хуторов к власти определялось исключительно составом населения. К разряду устойчивых относили хутора, населенные иногородними и принимавшие активное участие в Гражданской войне на стороне красных, жители которых стояли полностью на советской идеологической платформе. Органы ГПУ относили к неустойчивым целый ряд довольно крупных хуторов с казачьим населением, среди них Казаче-Малеваный, Бабиче-Кореновский и ряд других [29].

В 1920-е гг. изменяется и внешний облик кубанских хуторов, когда от бывшего благополучия почти не остается и следа. Прибывая на Кубань, переселенцы строили первые землянки и заселяли хутора двумя или тремя рядами домов вдоль водоемов или рек. Возводились дома турлучные, саманные, с применением простейших строительных технологий и использованием подручных материалов. Крыши сооружали из соломы, камыша или вообще укрывали кукурузными стеблями (бадылкой). Внутри каждого двора вырывали колодец, из которого брали воду для домашней стирки, поили животных и птицу. Во дворах имелись погреба для хранения продуктов питания. При описании одного из таких хуторов станицы Вальяновской В.П. Ставский отмечал: «Из станицы вышло на хутор восемьдесят дворов – почти все бывшие красные партизаны. И хутор называли Красноматвеевским – в честь покойного командующего Таманской армии [И.И. Матвеева – Авт.]. Огромное большинство впервые получало землю». Еще более красноречивым в

цитируемом очерке представляется сам хутор: «Хуторок Красноматвеевский – в 18 верстах от станицы – разбросан по берегу речушки. Хатки все маленькие, только две-три под железом, остальные крыты камышом. Амбары и сараи не в каждой усадьбе. В углу хаты, разукрашенного портретами вождей – в центре портрет Ильича, убранный расшитыми полотенцами...» [30].

Внешняя убогость части кубанских хуторов 1920-х гг. объясняется во многом тем, что переселенцы нередко прибывали из очень отдаленных мест, поэтому их благоустройство на хуторах носило минималистский характер, ведь главной задачей являлась организация пропитания своих семей. Эта витальная суперзадача и превращала бывший цветущий кубанский хутор в банальное захолустье. Сложившуюся ситуацию подтверждают и воспоминания первых переселенцев: «Мои родители ехали на Кубань с Дальнего Востока на лошадях. За время пути родилось трое детей. Приехали. Хутор был таким, как и все. Хуторяне трудолюбивый народ, жили дружно и мирно, сеяли, пахали, убирали урожай, выращивали скот и птицу» [31].

Прежний большой кубанский хутор нередко дробился на отдельные мелкие хутора, поглощая миграционные потоки и переселенческое движение из разных мест. В результате возникали целые компактные группировки хуторов. Показателен в этом отношении пример формирования хуторов на землях бывшего имения «Курго», принадлежавшего в свое время известному на Юге России торговому дому «А.М. Ерошов и сыновья». Сразу десять хуторов возникли на землях прежнего имения еще в начале 1920 г. Нам удалось восстановить ориентировочные названия этих хуторов: Братский, Фокин (вероятно, было два хутора с таким названием: Фокин 1-й и Фокин 2-й), Процай, Городской, Терновский, Мелехов, Беляев. Земли бывшего имения «Курго» вошли позднее в Курго-Терновский сельсовет, а сегодня они по большей мере скрыты под водной гладью Краснодарского водохранилища. Проживало тогда, в 1920 г., в вышеназванных 10 хуторах примерно 150 человек.

В целях объединения и укрупнения хуторов Екатеринодарский (Краснодарский) отдельский отдел управления Кубано-Черноморской области при рассмотрении вопроса об административно-территориальных изменениях 19 августа 1920 г. постановил: «Хотя переселение хуторов на лучшие и более удобные земли для хлебопашества не лишнее, вследствие исключительного времени отсутствия из домов работников в ряды Красной армии, крайнее разорение крестьянского хозяйства от международной и гражданских войн заставляет решить вопрос в пользу объединения хуторов» [32]. К тому же выяснилось, что жители хуторов, располагавшихся на землях бывшего имения «Курго», переданного в хозяйственное пользование Кубчероблпродкому, земельные участки засевали выборочно, что затрудняло организацию землепользования для ведомственного учреждения, и Кубчероблпродком добивался решения поставленного вопроса: или путем переселения, или концентрации землепользования для этой группы хуторян [33].

С установлением советской власти хуторяне были охвачены масштабной пропагандистско-идеологической работой, при этом часто и с размахом проводились коллективные собрания, революционные праздники и т.п. На массовые собрания, организованные при сельсоветах, привлекались, прежде всего, беднота и иногородние. Преимущественно собрания созывались перед проведением очередных политических кампаний, землеустройства, перевыборов. Однако из-за бедности и убогости хуторов, что подтверждается в ряде сохранившихся отчетов за 1926 г., многие жители не могли принять участие даже в избирательной кампании: «В двух хуторских советах Курганного района, где ячейки разбросаны и малограмотны, там руководить избирательной кампанией не в состоянии... Многим тормозит распутица, беднота не в состоянии за отсутствием обуви принять участие в перевыборах» [34].

Постепенно хуторян приучали к новым революционным праздникам. Показателен пример хутора Веселого станицы Воронежской, где проходило в 1925 г. празднование Первомая. «К 1 мая все граждане и красноармейцы собрали с носа по 10 копеек и справили 1 мая. В этот день был проведен митинг, после митинга пошли на кладбище, на котором похоронены красноармейцы и вернулись к зданию, где раздавались крики «Ура», «Да здравствует Первое мая», «Да здравствует международная революция». Все хлеборобы и красноармейцы заявили, что в будущем они еще теснее возьмут связь с рабочими города» [35]. Тем не менее, случались и казусы в проникновении революционных

праздников в сознание хуторян. В 1925 г. в хуторе Бражниковский Кореновского района 1 мая праздновали 2 мая, т.е. на 1-й день христианского праздника Пасхи [36]. Трудно сказать: или же сами хуторяне решили совместить старое и новое в праздничной народной обрядности, что, в общем-то, не удивительно для того времени, или же это был своеобразный пропагандистский ход местных активистов.

Советские праздники постепенно все более и более увязывались с хозяйственными достижениями. В период организации колхозов одним из распространенных явлений стала организация «красных обозов», когда в массовом порядке на десятках, а то и сотнях телег в мешках везли по деревенским и городским дорогам продовольственное зерно. На передних телегах «красного обоза», как правило, закрепляли соответствующие транспаранты с характерными советскими призывами. Эта пропагандистская акция с большими колоннами телег должна была символизировать «смычку города и деревни», равно как и необычайную мощь обобществленного труда, несомненные успехи колхозного строительства, большие возможности колхозов по сбору урожая, неприменную радость хлеборобов, везущих зерно на хлебосдачу. Вот так и на Кубани в 1929 г. с целью организации красных обозов по хуторам отправлялись агитпоезда с кинопередвижкой, культотряды – «синеглазники» (т.е. революционно-агитационные эстрадно-театральные коллективы) проводили антирелигиозные кампании, устраивали «живые» спектакли с прославлением социалистических мероприятий [37].

Однако хуторяне и с началом коллективизации хорошо помнили и при первой возможности стремились восстановить хуторскую организацию землепользования. Так, в симптоматичной докладной прокурорской записке указывалось, что 23 марта 1930 г. в х. Борзиковском (Брюховецкий район) «были самоуправно разобраны по домам лошади, находившиеся в колхозной конюшне. Никакие доводы со стороны уполномоченных района не подействовали, гражданами было заявлено, что сев пропашных культур будет производиться индивидуально и продолжать коллективный сев колосовых на площади отведенной колхозом отказались, заявляя, что на площади ранее принадлежащей хутору они сев произвели, а остальная часть степи их хутору не принадлежит поэтому от ее отработки отказываются».

Любопытен при этом социальный состав населения хутора Борзиковского, состоявшего, по свидетельству прокуратуры, целиком из иногородних. Из имевшихся домовладений 74 двора относились к середняцким хозяйствам, 20 дворов к бедняцким хозяйствам и только 4 двора к зажиточным хозяйствам. В хуторе Борзиковском проживало до 35 % красных партизан, «которые на собраниях никому не дают разговаривать, ругаются, стучат табуретками о пол и высказывают демонстративно: «оставьте нас в покое, мы завоевали эту землю и желаем на ней жить свободно. Советская власть не дает возможности развиваться крестьянскому хозяйству. Коллектив не нужен – в Германии нет коллективов, а крестьянам живется хорошо. Хлеба мы советской власти даем много, а куда он девается что его не хватает неизвестно. В коллектив идти не желаем потому что теперь почувствовали себя хозяевами и только теперь мы стали цвести, хлеба в городах было бы достаточно, если бы был свободный рынок чтобы хлебороб свободно мог продать хлеб на вольном рынке. На собраниях пришлось долго разъяснять о необходимости колхозного строительства» [38].

Заключение. Таким образом, кубанский хутор оказался актуальной поселенческой структурой на протяжении достаточно длительного исторического периода и пережил в своем развитии несколько стадий. Первую стадию мы связываем с переселением запорожских казаков на Кубань, когда хозяйственное обособление становилось залогом жизненного благополучия части казаков. Век XIX стал кубанского хутора периодом расцвета, когда эти поселения преуспели и в благоустройстве, и в расширении земельных владений, и в создании имен, свидетельствовавших о благополучии владельцев хуторов. Кубанский хутор растет в количественном отношении и становится многодворным поселением. В наступившие советские времена (третья стадия) кубанский хутор отчасти хиреет, становится заложником политических амбиций правящей партии и нередко превращается в захолустье под давлением миграционных потоков и в значительной мере разрушается как локальный казачий мир с развертыванием сплошной форсированной коллективизации.

Примечания:

1. Гольдендул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Репринт. изд. 1924 г. Краснодар, 2009. С. 28-30.
2. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. С. 20-21.
3. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12-21.
4. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани // Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сёл, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). М., 2008. С. 533.
5. Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 190. Л. 2-3.
7. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 190. Л. 64.
8. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 183. Л. 2-3.
9. Платонов А.П. Котлован // Платонов А.П. Государственный житель. Проза. Ранние сочинения. Письма. Минск, 1990. С. 160.
10. Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества. В 2 т. Краснодар, 2009. Т.1. С. 32-33.
11. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12-21.
12. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12-21.
13. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 104.
14. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 183. Л. 4.
15. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 183. Л. 4.
16. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 158. Л. 4
17. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 216. Л. 22-51.
18. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 217. Л. 90.
19. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Славянск на Кубани и Славянский район. Страницы истории. Краснодар, 1995. С. 57.
20. См., напр.: Пронштейн А.П. Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и Степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX века // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1982. № 1. С. 55; Матвеев О.В. Присоединение Кавказа к России современное состояние вопроса // Дискуссионные вопросы Российской истории. Арзамас, 1995. С. 87-91.
21. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 66. Л. 28-29.
22. Кононов А.А. Процесс сселения хуторов на Псковщине // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2006. С. 167-172.
23. ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.
24. Там же.
25. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.
26. Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000. С. 30-31.
27. ЦДНИ КК. Ф. 2816. Оп.1. Д. 65. Л. 2.
28. Наша малая Родина – Отрадненский район Краснодарского края (страницы истории). Отрадная, 2009. С. 45-46.
29. Архив ГУВД Краснодарского края. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.
30. Ставский В.П. Станица. Кубанские очерки. М., 1930. С. 106.
31. Наша малая Родина – Отрадненский район Краснодарского края (страницы истории). С. 45-46.
32. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 122. Л. 92.
33. Там же. Л. 93.
34. ЦДНИ КК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л.14.
35. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 2.
36. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 89.
37. ГАКК. Ф. Р-1050. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

38. ГАКК. Ф. Р-1050. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

УДК 94(470) „18” „1920”

**Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани
с конца XVIII века и до конца 1920-х годов**

¹ Александр Павлович Скорик

² Ирина Михайловна Федина

¹ Южно-Российский государственный технический университета (Новочеркасский политехнический институт), Россия

доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор

² Кубанский социально-экономический институт, Россия

кандидат исторических наук, доцент.

Аннотация. В статье раскрывается процесс становления и развития казачьего хутора на Кубани как адаптированного социально-экономического мироустройства переселившегося земледельческого населения. Показывается, как сменились целые поколения, которые заложили основу для процветания казачьего хутора к началу XX в. Выявлены причинно-следственные связи упадка хуторского хозяйства на Кубани к концу 1920-х гг.

Ключевые слова: иногороднее население; казачий хутор; «красные обозы»; миграция; переселенцы; тип поселений; храбрые кубанцы; хуторяне.

UDC 94 (47)

Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War

Sergey V. Sivkov

South Institute of Management, Russia
Stavropolskaya street, 216. Krasnodar city, 350040
PhD (History)
E-mail: cssm@rambler.ru

Abstract. The article, using a considerable amount of archival sources and periodicals considers the problems of state terror and terrorism in the North Caucasus during the Civil War. Special attention is attached to major forms of terror and terrorism in the considered period.

Keywords: North Caucasus; state terror; terrorism.

Введение. Неотъемлемыми атрибутами современной жизни на Юге России стали в последние десятилетия террор и терроризм. Происходящие на Северном Кавказе события требуют вдумчивого и всестороннего анализа. Требуется приложить усилия историков, философов, психологов, юристов, других специалистов, чтобы осмыслить происходящие события. Для того, чтобы понять причины происходящих событий, необходимо учесть трагический опыт и события Гражданской войны на Юге страны.

Как отмечал в эмиграции один из активных участников 1-го Кубанского (Ледяного) похода генерал-майор Борис Александрович Штейфон в 1928 году: «Россия уже пережила небывалые потрясения, а ко времени своего возрождения переживет их еще больше. Поэтому мы должны всегда помнить ошибки прошлого, дабы избежать их повторения в будущем»[1].

Террор и терроризм в настоящее время относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, приобретающих разнообразные формы и угрожающие масштабы.

Обсуждение. Проблемам истории террора и терроризма в годы Гражданской войны посвящено значительное число научной и научно-популярной литературы. Интересны в этом отношении публикации Бортневского В.Г., Гейфман Анны, Будницкого О.В., Литвина А.Л., Нестерова Д.В., Нестерова А.В., Шумахера О.В., Кропачева С.А. и многие другие. К сожалению, в большинстве из перечисленных работ Северный Кавказ, в том числе Кубань и Черноморье были представлены лишь фрагментарно, либо освещались несколько однобоко.

Как это ни парадоксально, такое понятие, как «терроризм», не имеет точной и широко принятой дефиниции, в том числе и в правовой литературе.

Большой интерес представляет проблема классификации основных форм терроризма. Исследователь Д.В. Ольшанский предложил следующие:

- политический терроризм,
- информационный терроризм,
- экономический терроризм,
- социальный (бытовой) терроризм.

Он же обратил внимание на относительность оценок: «полезный» и «вредный» террор.

В период Гражданской войны террористические методы использовались вполне осмысленно и применялись для достижения определенных политических целей. Ни для кого не является секретом, что террор и терроризм в России этого времени особенно ярко проявился на Юге, в том числе на Кубани и Черноморье.

В период Гражданской войны становилось очевидным и то, что политические, национальные и религиозные террористы прибегали к криминальному террору, а криминальные террористы – к политическому.

Именно в период Гражданской войны некоторые политические партии, по примеру трагических событий Великой Французской революции, провозгласили одной из главных форм своей деятельности террор.

По мнению О.В. Будницкого: «...государственный террор, унесший с 1917 года миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным – как лево- и правозэкстремистским, так и с правительственным»[2].

Насильственный захват большевиками власти на Кубани и в Черноморье в конце 1917 – начале 1918 гг. привел к массовому террору на подконтрольной им территории.

Первая волна репрессий пришлась на февраль–апрель 1918 года в связи с боевыми действиями и потерей власти Краевым правительством. Удар пришёлся на лиц, сочувствующих казачьему руководству, буржуазию, офицерство, зажиточное население городов и сельской местности.

Вторая волна прокатилась в мае–июне 1918 года в связи с проводимыми большевиками земельными реформами, хлебной политикой и возникшими в ответ на это массовыми выступлениями. Материально и физически пострадала значительная часть населения.

Третья волна пришлась на июль–ноябрь 1918 г. В ходе боёв и смены власти с мирным населением одинаково жестоко расправлялись и белые, и красные.

Четвертая волна – декабрь 1918–март 1920 г. В этот период репрессиям подвергались сторонники большевиков, часть казачества, несогласная с политикой руководителей Белого движения. По мнению Г. Покровского приход добровольцев в Черноморскую губернию и установленный там режим «обратил всё население в большевиков и привёл к негативному отношению к казачеству»[3].

Пятая волна – это март–декабрь 1920 г. На этом этапе репрессиям подвергались сторонники Белого движения и Краевого правительства.

На наш взгляд в период Гражданской войны на Кубани и Черноморья основными формами террора и терроризма стали: физический, экономический, политический, информационный и социальный.

Основными видами политического террора стали ограничения деятельности представителей тех или иных политических партий.

Руководство Черноморской губернии первым в регионе предприняло попытки расправиться со своими оппонентами. Решением II губернского съезда Советов в местные органы власти допускались только представители большевиков и левых эсеров [4]. Отныне в состав Советов могли входить только большевики, левые эсеры и беспартийные. В Постановлении указывалось, что «меньшевикам, правым эсерам, кадетам и тому подобным нет места в Совете»[5]. В передовой статье, опубликованной в органе Новороссийского Совета, отмечалось, что меньшевики и эсеры – «враги опаснее, чем кадеты»[6].

При решении вопроса о выборах на III съезд Советов 27 мая 1918 г. Екатеринодарский Совет признал возможным дать представительство только фракциям, стоящим на платформе советской власти, то есть большевикам и эсерам, а в циркуляре от 8 июня 1918 г. комиссара внутренних дел Кубано-Черноморской советской республики предписывалось установить надзор за организациями ряда партий, в том числе и меньшевиков[7].

В советской историографии длительное время считалось, что падение численности представителей той или иной партии в Советах связано с её популярностью среди населения. Однако это не всегда было так. Большевистское руководство фактически вытеснило из Советов своих оппонентов, а затем и союзников, создав в Кубано-Черноморье, как и в других регионах России, прецедент монопартийности. В период правления «казачьего контрреволюционного» правительства в конце 1917 – начале 1918г. на политическом небосклоне высвечивалось шесть крупных партий и общественных организаций. В первый период советской власти от активной политической борьбы вынуждены были уйти казачьи организации, кадеты и украинцы. Далее последовал разгром анархистов, затем меньшевиков и правых эсеров.

Приход к власти казачьего и деникинского руководства в августе–ноябре 1918 года ознаменовался аналогичными действиями по отношению к большевикам, левым эсерам и анархистам. Все они исключались из политической борьбы.

Предметом пристального изучения исследователей проблем террора и терроризма на Северном Кавказе могут стать средства массовой информации. Важным направлением информационного террора стало открытое наступление на них. В первые же дни после взятия Екатеринодара большевиками закрываются газеты «Листок Кубани», «Кубанский курьер», решением Армавирского ВРК прекращают свою деятельность газеты «Отклики Кавказа» и «Новый мир». В Новороссийске 14 марта 1918г. закрыта «Черноморская мысль» [8].

Не успев наладить выпуск, прекращает своё существование меньшевистская «Искра» и арестовывается заведующий типографией Никитин [9]. Данный факт вызвал волну возмущений среди рабочих г.Екатеринодара. С осуждением выступило общее собрание конторских служащих, а труженики завода «Станиславского» расценили это как «преступление против рабочих» [10]. Правильных выводов из сложившейся ситуации большевистское руководство не сделало, тем более, что в это время из столицы последовало грозное указание Лациса об усилении надзора за печатью и уличной агитацией [11].

Конфискуются номера «Нашей искры» и приостанавливается выпуск «Проблеска» [12]. Последняя газета не выходит с 6 по 12 июня 1918 г. К концу июня закрываются ещё две газеты: «Народное дело» и «Слово народа» [13].

Союз печатников, выступивший на защиту свободы слова, объявил забастовку, продолжавшуюся около трёх недель, но она не принесла победы. По сообщению «Нового проблеска», резолюцию о прекращении забастовки пришлось принимать в окружении воинских частей [14]. Во время забастовки в городе не выходила ни одна из газет за исключением «Прикубанской правды». О данном инциденте стало известно даже в казачьем отделе ВЦИК [15].

2 августа 1918 года ЧК по борьбе с контрреволюцией газеты «Новый проблеск» и «Голос рабочего» были названы контрреволюционными и закрыты [16]. ЦИК запретил издавать вместо этих газет любые другие [17].

В Черноморской республике события происходили по тому же сценарию. Накануне падения советской власти Новороссийский окружной Совет закрывает «Черноморскую газету» и «Утро», а дело передается в суд. Печатники ответили на это забастовкой [18]. Под угрозой закрытия находились даже «Новороссийские известия» [19].

Таким образом, в первый период существования советской власти на Кубани и Черноморье практически вся оппозиционная печать была подавлена, а оставшаяся оказалась зажатой в тисках цензуры.

Политика Краевого правительства и Добровольческой администрации в отношении прессы оказалась аналогичной. С потерей большевиками Екатеринодара прекратился выпуск «Прикубанской правды», «Известий» и других.

В конце сентября 1918 года закрываются «Кубань» и «Искра», вышедшие без разрешения ОСВАГа, в ноябре запрещается выпуск журнала «Маяк». Последний закрывается по распоряжению члена Краевого правительства по внутренним делам Успенского [20].

Этой же осенью Краевым правительством закрывается газета «Россия» В.В. Шульгина [21].

Таким образом, нажим на периодические издания продолжился и после смены большевистского режима.

Краевое правительство создает особую комиссию по борьбе с политическими преступлениями Приказом от 4 сентября 1918 г. Такие комиссии создаются во всех отдельных центрах [22].

Другой формой террора стало физическое уничтожение политических противников и оппонентов. Широкое распространение получили такие его виды, как расстрелы, заложничество, избиение, содержание в тюрьмах без предъявления обвинений, грабежи и мародерство.

В Туапсе в 1918 году местным ВРК были расстреляны бывший комиссар Временного Правительства К.Л. Бардиж вместе с сыновьями. По сообщению Екатеринодарских газет, в его сапоге была найдена записка от генерала Покровского о направлении Кондрата Лукича в губернию для формирования антибольшевистских отрядов [23]. Содержание записки

вызывает большое сомнение, так как Бардиж являлся противником назначения Покровского командиром кубанских частей.

В конце марта 1918г. в г. Армавире расстреляно 38 грузин, следовавших из Петрограда в Тифлис. Военно-полевой суд приговорил всех к смертной казни [24]. Большинство имеющихся на сегодняшний день в архивах Краснодарского края документов и воспоминаний свидетельствуют, что причиной расстрела стала попытка утаить изъятые обыскивавшими ценности. Попытки обвиняемых сослаться на И. Сталина об отправке их в Тифлис для подготовки революционного выступления не сыграли никакой роли. Запрос ему в г. Царицын сделан не был.

Страшные картины репрессий по отношению к восставшему населению нарисовал в своем выступлении на III Съезде советов Тамани председатель отдельского исполкома Зимин. По его сведениям в ст. Привольной отряд красного командира Демиденко расстрелял четверых жителей, а остальных, разбегавшихся, ловили и топили в плавнях [25].

Советскими органами предпринимались лишь некоторые декларативные меры по недопущению случаев насилия.

В борьбе за власть её представители не считались и со своими соратниками. Главное было запугать и терроризировать население. В большинстве изданий периодической печати того времени шла целенаправленная компания дискредитации крупных военных руководителей. Чаще всего их обвиняли в «бонапартизме» и попытках узурпации власти. Такие статейки появлялись по поводу главнокомандующего Юго-Восточной революционной армии, а позже главнокомандующего войсками Кубанской советской республики Александра Исидоровича Автономова. Одна из них так и называлась: «Новый Бонапарт» и завершалась таким утверждением: «Надо верить, что происки нового «Кубанского Бонапарта» потерпят крах, ибо революционная Красная армия, поклявшаяся умереть за советскую власть, не допустит посягнуть на нее честолюбивым искателям славы».

А.И. Автономов вскоре был отрешен III Чрезвычайным съездом Советов Кубанской и Черноморской республик от командования за отказ подчиниться контролю Чрезвычайного штаба обороны республики. Его жизнь была спасена только благодаря личному вмешательству Г.К. Орджоникидзе.

Несколько ранее местными газетами в «узурпаторстве власти» был обвинен комендант г. Екатеринодара некто Золотарев. И. Сорокин напечатал в «Известиях...» ответную статью «Где узурпаторы?», в которой обвинил представителей Ревкома и партии большевиков в шельмовании военных работников. Вскоре Золотарев со своим штабом был арестован отрядом особого назначения при Исполкоме. Постановлением Исполкома он и его штаб были расстреляны.

В середине апреля 1918 года в г. Пятигорск вернулся красногвардейский отряд под командованием Нижевясова, который сражался с частями генерала Корнилова под Екатеринодаром. Командир заподозрил, что Совет хочет покончить с ним и его отрядом. Принимается решение об аресте президиума горсовета и руководителей большевиков. Выступление было подавлено силой, а руководители расстреляны.

Другой темной страницей истории Гражданской войны стал расстрел 10 октября 1918 года в районе Невинномысской по решению РВС 11-й армии, (состоящего в основном из большевистских руководителей Северо-Кавказской советской социалистической республики), командующего Таманской армии Ивана Ивановича Матвеева. Пропагандистская машина правящего режима информировала личный состав армии об убийстве И. Матвеева по инициативе И.Л. Сорокина, Главнокомандующего 11-й Северо-Кавказской красной армии.

Изучая факты террора на Кубани, невозможно обойти некоторые события, произошедшие в этот период в соседней Ставропольской губернии. Как известно, И.Л. Сорокин пытался избавиться от жесткой опеки большевиков, но это привело к трагедии в г. Пятигорске. Ввиду несогласия с деятельностью ЦИК Северо-Кавказской Советской республики, главнокомандующий 11-й Красной армией Иван Лукич Сорокин арестовал его руководителей Дунаевского, Рубина, Крайнего, Рожанского и Власова. Все пятеро были расстреляны без суда и следствия под горой Машук в г.Пятигорске. В соответствии с решениями 2-го Чрезвычайного Северо-Кавказского съезда советов и делегатов воинских частей Сорокин и его штаб объявлялся вне закона.

При въезде в г. Ставрополь главнокомандующий был арестован и доставлен в местную тюрьму [26]. По оценке бывшего таманца Н. Батурина, убийство произошло так: «Между прочим туда пришел и комиссар третьего таманского полка Высленко, и увидя, что Сорокин опрашивается членами комиссии... выстрелил в Сорокина и двумя пулями убил его. Он был зарыт во дворе ставропольской тюрьмы» [27].

Другой участник гражданской войны М.Г. Акиншин в своих рукописных воспоминаниях отмечал: «В Ставрополе я узнал, что убили Сорокина командующего войсками, когда убили не знаю, но видел в тюрьме, повешенного за руки и ногу» [28].

Широкое распространение в нашем регионе получили случаи ареста без предъявления каких-либо обвинений. Так, в начале лета 1918 г. на станции Тихорецкой задержан по пути следования в Царицын известный анархист Н.И. Махно. Недоразумение было быстро исчерпано [29].

В начале июля того же года на станции Екатеринодар задерживаются девять железнодорожников, замеченных в расхищении сахара. Арестованных водили по всему городу с табличками, повешенными на груди. Екатеринодарский комитет союза железнодорожников обратился в местный исполком с просьбой «прекратить действия, оскорбляющие человеческое достоинство» [30].

Повсеместно аресты сопровождалась «жестокостью и грубостью». Комиссар юстиции Новороссийского округа выяснил из опросов задержанных, что многие из них подвергались избиению со стороны красновардейцев, а иногда и членов судебно-уголовной милиции [31]. Части лиц, томящихся в камерах, не были предъявлены обвинения, хотя наряду с ними значились и откровенно уголовные элементы [32].

Кровавой страницей в историю Гражданской войны на Кубани вписаны события в Екатеринодарской тюрьме. На заседании местного совета 17.06.1918 г. представитель завода «Кубаноль» Бровиков сделал запрос о производящихся там массовых расстрелах. Партия эсеров (центр) выступила с решительным осуждением и заявила, что «протестовать против отдельных случаев смертных казней, совершаемых в период существования на Кубани Советской власти при замалчивании их советской властью она не могла за отсутствием свободы печати» [33]. В ходе расследования выявляется факт расстрела 77 обвиняемых. Принимается постановление об аресте членов Чрезвычайной следственной комиссии. Трое ее членов задерживаются, однако это вызывает волнения местного гарнизона и дело приостанавливается [34].

В ходе борьбы широкое распространение получил институт заложничества [35]. Еще 19 января 1918 г. в Петропавловский совет поступило прошение об освобождении шести граждан указанной станицы, арестованных с целью отправки на станцию Гулькевичи в качестве заложников «за будущее спокойствие в станице».

Осенью 1918 года ЦИК Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики захватил в качестве заложников генералов Рузского, Радко-Дмитриева, князей Урусовых, контр-адмирала Капниста. В приказе № 6 от 8 ноября сообщалось, что в следствие покушения на жизнь вождей пролетариата, в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей – членов ЦИКа, 21 ноября 1918 года по решению ЧК они расстреляны. Почти никто из перечисленных представителей не имел прямого отношения ни к покушению на В.И. Ленина, ни к конфликту Северо-Кавказского главкома И.Л. Сорокина. Лишь в конце списка названо несколько соратников опального главкома. В результате этой акции казнено 106 человек.

Характерной чертой этой войны, в отсутствие какой-либо правовой базы, стали самосуды, как проявления внесудебной практики.

Недалеко от ст. Пензенской группа беженцев была схвачена сторонниками большевиков. В плен попали известный на Кубани эсер А.В. Юшко и его сын Роман. По воспоминаниям красноармейца Воронова, служившего на фронте под командованием взводного Р. Юшко: «Толпа хотела его и отца растерзать. После тщетных разговоров, видя, что присутствующие не согласны даровать им жизнь, чтобы искупить эту кровь, и хотел застрелиться. Тогда бойцы пошли на уступку и решили оставить им жизнь». Однако 25 марта (по н.ст.) на Екатеринодарском вокзале они были растерзаны толпой иногородних, за интересы которых так самоотверженно боролся отец.

18 марта (н.ст.) 1918 г. с заявлением о случаях самосудов на вокзале на заседании объединенного ВРК выступил Балкевич. Назначается комиссия по расследованию.

Попытка представителей эсеров и меньшевиков напечатать обращение по поводу гибели Юшко и его сына натолкнулось на яростное противодействие печатников.

Председатель Областного Исполкома советов Я.В. Полуян также обратился 2 апреля (н.ст.) к населению с воззванием. Он писал: «Убит тот, кто всю свою жизнь был гоним жандармами» [36], а через день при открытии 2-го Кубанского областного съезда советов предложил почтить вставанием его память [37].

Особая комиссия ВРК 5 апреля сообщила: «Открыты две могилы, в первой обнаружено 20, во второй – 21 труп. Большинство с перерезанными горлами, колотыми ранами, есть изуродованные. Среди трупов опознаны: бывший городской голова Глоба-Михайленко, секретарь крестьянского союза Молчанов, юноша Хуциев и другие». Толпа мстила тем, кто не пошел с ней.

С противоположной стороны, среди сочувствующих Краевому правительству, а также наблюдались подобные случаи. В этом прямо признался член Краевой Рады Белоусов, огласивший 6 декабря 1918 г. проект приказа № 1 о прекращении всевозможных самосудов и произвола, творящегося в Кубанском крае [38].

Несколько ранее, в апреле того же года, при налете добровольцев на ст. Незамаевскую казаку В.И. Краснову, за сочувствие большевикам отрубили руки, уши и возили на подводе по станции для устрашения [39]. В период Второго Кубанского похода Добровольческой армии, после взятия ими Белой Глины, больные красноармейцы вытаскивались на улицу и расстреливались. Во дворе мельницы Пшивановых, по воспоминаниям очевидцев, расстреляли 125 человек, а на Ярмарочной площади красноармейцев уничтожали из пулемета [40].

В ст. Новокорсунской белоказачки повесили 4-х членов местного Революционного комитета, в том числе и двух казаков, а затем еще шесть активистов. Около 20 заложников, взятых в станции, расстреляли позже в ст. Елизаветинской [41].

В середине октября 1918 г. отряд Покровского ворвался в х. Журавский, сжег его дотла и уничтожил многих жителей. Тоже произошло с соседним хутором Кайтуковским [42].

Одной из форм экономического террора стали контрибуции, захлестнувшие регион. В этом процессе участвовали все структуры белогвардейского правительства и советских органов власти. Большинство реквизиций проводилось под прикрытием нужд армии.

На заседании ВРК 18.04.1918 г. предлагалось наложить контрибуцию на Екатеринодар. Приказом от 26.03.1918 г. торгово-промышленный класс Екатеринодара в трехдневный срок обязан был сдать 10 млн рублей [43].

На ст. Незамаевскую налагалась контрибуция в 1 млн рублей, облагалась ею и армянская буржуазия г. Армавира [44].

Данная мера нашла широкое распространение и на Черноморье. В г.Новороссийске налог составил 1 млн 200 тыс. рублей, в Геленджике – 2 млн, Сочинский Совет ввел отчисления в размере 10 % с текущих счетов свыше 5000 рублей [45].

Довольно часто действия представителей Советов и командования армии носили абсурдный характер. Так, 23 апреля Кубанский исполком издает приказ, обязывающий всех граждан в трехдневный срок сдать излишки белья [46]. Все помещения комиссариата оказались забиты бельем, среди которого имелось много дорогостоящего, женского.

Не менее активно использовали данную форму террора и Добровольческие формирования.

Имели место и бомбардировки станиц, не пожелавших выплатить контрибуции. С жалобой на подобные действия обратились жители ст. Бакинской [47].

Непростой оказалась политика руководителей Добровольческой армии по отношению к Кубанскому правительству и Раде. «Взятие Екатеринодара, - по воспоминаниям А.И. Деникина, – было вторым «роковым моментом», когда по мнению многих – не только правых, но и либеральных политических деятелей, Добровольческое командование проявило «недопустимый либерализм», вместо того, чтобы «покончить с кубанской самостийностью», посадив на Кубани наказного атамана и создав себе таким образом спокойный, замиренный тыл» [48].

28 октября 1918 г. (по ст. ст.) открылось заседание Кубанской Рады. На следующий день член Рады Гаркушин в своем выступлении обвинил добровольцев в присвоении добычи, отобранной в ходе боев у большевиков [49].

Генерал А.И. Деникин, на торжественном заседании 1 ноября 1918 г. заявил: «Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской, должна быть единая Русская армия» [50].

В ходе заседаний Краевая Рада приняла несколько постановлений относительно образования на федеративных началах союза с другими государственными образованиями Юга России. Генерал Лукомский решительно протестовал против этого... [51]. Таким образом, конфликт зашел слишком далеко.

Кстати, устремления кубанцев к самостоятельности нашли активную поддержку Донского казачьего правительства в лице своего представителя Макаренко, заявившего об автономии Кубанской и Донской армий [52].

Неудачная попытка иметь свою собственную армию толкнула кубанцев на отстаивание своей самостоятельности в международных вопросах. С этой целью по решению, принятому в конце 1918 г., 9(22) января 1919 г. на Версальскую мирную конференцию в Париж отправилась делегация Кубанского правительства и Кубанской Рады во главе с Л.Л. Бычем [54].

17(30) июня 1919 г. в Екатеринодаре состоялись похороны убитого в Ростове председателя Законодательной и краевой рад Н.С. Рябовола. По мнению многих жителей кубанской столицы этот акт совершили представители контрразведки генерала А.И. Деникина.

Финальным аккордом этих событий стала расправа над делегатами парижской конференции. В ночь с 4(17) на 5(18) ноября 1919 г. офицеры отряда полковника Карташова заняли вокзал, разместились на главных площадях и улицах города, около рады выставили пулеметные посты. Рано утром 6(19) ноября бригада полковника Бурсака и юнкера заняли все центральные улицы и окружили Зимний театр, где заседала рада.

Генерал Покровский снял атаманский караул. Утром 6(19) ноября член парижской делегации полковой священник А.И. Кулабухов явился для сдачи Покровскому. 7(20) ноября его повесили на Крепостной площади с дощечкой на груди «За измену России и кубанскому казачеству». Остальные арестованные следом члены Рады были преданы военно-полевому суду, осуждены к каторге, но затем помилованы и высланы за пределы Кубани (в Турцию) [55].

Закключение. В результате подобных фактов в период Гражданской войны были утрачены те небольшие завоевания в области прав и свобод, которые были получены жителями России в 1917 году.

События Гражданской войны наглядно показали, что применяемые в ее ходе методы наведения порядка в основном не встречали сочувствия и понимания местного населения. Такие методы загоняли проблемы вовнутрь.

Примечания:

1. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело. М., 1996. т.7. С. 350.
2. Кровь по совести: терроризм в России. Документы и биографии. Сост. Ю.В. Будницкий. Ростов-на-Дону. 1994. С. 35.
3. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики Кубани (1918-1919 гг.). Берлин. 1993. С. 150.
4. Проблеск. 1918, 30 апреля.
5. Проблеск. 1918, 29 апреля.
6. Сергеев В.Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917-1920 гг.) Ч.3. Ростов-на-Дону. 1993. С. 8.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-975. Оп. 1 Д. 3. Л.69.
8. Проблеск, 1918. 28 марта.
9. ГАКК. Ф. Р-975. Оп. 1. Д.3. Л.51.
10. Проблеск, 1918.4 июля.
11. ГАКК. Р-1359. Оп. 1. Д.5. Л.4. Копия.
12. ГАКК. Р-975. Оп. 1. Д.3. Л.54; Проблеск, 1918. 5 июня.

13. Новый Проблеск, 1918.31 июля.
14. Новый Проблеск, 1918. 27 июля.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп.82. Д.3. Л. 282.
16. Прикубанская правда. 1918. 3 августа.
17. Известия ЦИК. 1918. 2 августа.
18. ГАКК. Р-1364. Оп. 1. Д.1. Л.102.
19. ГАКК. Ф.2. Оп.1. Д.948. Л.80.
20. Вольная Кубань, 1919. 5 января.
21. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. С. 52.
22. Приказы Кубанского краевого правительства за 1918 год. Вып. 2. С. 1-3.
23. Проблеск, 1918. 29 марта.
24. ГАКК. Р-411. Оп.2. Д. 294. Л. 154-155.
25. Берлизов А. Красный террор // Комсомолец Кубани. 1991. 26 января.
26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.2830. Оп.1. Д.169. Л.4.
27. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп. 1. Д. 206. Л. 86.
28. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп. 1. Д.234. Л. 9 об.
29. Махно Н.И. Воспоминания. М., 1992.С.94-96.
30. ГАКК. Р-975. Оп. 1. Д.4. Л.307.
31. ГАКК. Р-1364. Оп.1. Д.16. Л.27 об.
32. ГАКК. Р-1359. Оп.1. Д.4. Л.2.
33. Проблеск, 1918. 19 июня.
34. ГАКК. Р-975. Оп. 1. Д.3. Л. 51.
35. Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и Черноморье в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2004. № 10. С.106–113; Черкасов А.А., Чекерес О.Ю. К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920–1922 гг. // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 55–73.
36. День рабочего, 1918. 1 апреля; Проблеск, 1918. 2 апреля.
37. День рабочего, 1918. 8 апреля.
38. Чрезвычайная рада Кубанского края созыва 28-го октября 1918. Стенографический отчёт. Вып. 8. г. Екатеринодар, 1918. С. 114.
39. ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп. 2. Д.2. Л.56.
40. Иванов А.А. Контрразведывательные службы Белого движения на Черноморском побережье в 1918–1920 гг.: террор под флагом борьбы со шпионажем // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 1. С. 14–20.
41. ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.262. Л.3,4.
42. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.919. Л.13; Д.616. Л.1.
43. Известия Кубанского Областного исполнительного комитета, 1918. 20, 26 марта.
44. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.108. Л.3; Д.693. Л.35.
45. Козлов А.И. Указ соч. С.157.
46. Проблеск, 1918. 25 апреля.
47. ГАКК, Р-975. Оп.1. Д.3. Л.16.
48. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.3 // Вопросы истории. 1993. №4. С.67.
49. Чрезвычайная рада Кубанского края... 1918. Вып. 1. С. 15, 25.
50. Там же. С. 142.
51. Там же. Вып. 3. С. 391.
52. Там же. С. 451-452.
53. Вольная Кубань, 1919. 5(18) января.
54. Екатеринодар-Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар. 1993. С. 434.
55. Там же. С. 438-439.

УДК 94 (47)

Террор и терроризм на Северном Кавказе в годы гражданской войны

Сергей Михайлович Сивков

Южный институт менеджмента, Россия
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 216
Кандидат исторических наук
E-mail: chessm@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе значительного количества архивных источников и материалов периодической печати рассматриваются проблемы государственного террора и терроризма на Северном Кавказе в годы Гражданской войны. Уделено внимание основным формам террора и терроризма в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Северный Кавказ; государственный террор; терроризм.

UDC 94(47).084:343.43(470.61)

Missing Page of Book of Condolence

Nikolai P. Kalmykov

Institute of Arid Zones SSC RAS, Russia
Dr. (Geography), Professor

Abstract. The article cites a small quantity of archive data, concerning repressions in the Don Region during collectivization. The description of events of the early 30s of the XX century is presented on the basis of a certain fate.

Keywords: collectivization; repressions; Cossacks; Zaplavskaya Cossack village; the Don.

Введение. Историки, как археологи и палеонтологи, сталкиваются со многими трудностями, одной из них, является реконструкция того, что произошло в прошлом. Восстановление недостающих страниц книги прошлого должно происходить не только для расширения знаний, но еще и так, чтобы эти события воспринимались теми, кто в них участвовал, и теми, на кого они оказывали воздействие. Довольно трудно осознавать, кто мы такие и чего мы хотим, как и почему мы стали именно такими, какие есть, не говоря уж о том, каким сознанием и самосознанием обладали люди, какие поступки они совершали, находясь в различных ситуациях, отличных от наших. От настоящего историка, тем не менее, требуется именно это. Без способности к сочувствию и воображению, намного превосходящую ту, которая необходима, например, мне, палеогеографу и палеонтологу, мы не способны увидеть ни прошлое, ни настоящее, ни самих себя, ни других; без этой способности не может быть не только познания истории, но и познания вообще.

Материалы. Глубокий интерес к конкретным событиям, лицам и ситуациям самим по себе, обусловленный профессиональными навыками, в конце концов, привел к вопросу, который многие десятилетия не поднимался, не обсуждался, не прояснялся – это судьба моего дедушки, одна из ее страниц была прочитана только в этом тысячелетии. В выпусках «Книги памяти жертв политических репрессий» [1, 2], в Списке жителей Ростовской области, осужденных к ВМН во внесудебном порядке, представленном КГБ России, в Списке реабилитированных прокуратурой Ростовской области мой дедушка не значится. Однако в архиве УФСБ России по Ростовской области хранится дело № П-42490 [3] с «Заключением» в отношении Д.Ф. Калмыкова (фото 1) по материалам уголовного дела (архивный № 12414), утвержденного прокурором Ростовской области 13 декабря 1989 года. Оно гласит: Калмыков Дмитрий Федорович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов». Это заключение подтверждено и в письме УФСБ России по Ростовской области № 115/6/6-К-1235 от 16.12.2009 года на мое имя: Калмыков Дмитрий Федорович реабилитирован.

Результаты. В анкете уголовного дела № П-42490 для арестованных и зачислением за О.Г.П.У. записано [3]: Калмыков Дмитрий Федорович, гражданин РСФСР, русский, Донской округ, ст. Заплавская, возраст 58 лет, родился в 1873 г., грамотный. Состав семьи: жена Варвара Стефановна (57 лет), сын Стефан Дмитриевич (30), сын Филипп Дмитриевич (28), сын Алексей Дмитриевич (24), сын Тимофей Дмитриевич (20), сын Петр Дмитриевич (15), дочь Елена Дмитриевна (21), дочь Серафима Дмитриевна (13), дочь Анна Дмитриевна Чеботарева (32). Все дети проживали в ст. Заплавской, кроме Стефана, эмигрировавшего в 1920 году во Францию, но и ему не удалось избежать участи многомиллионных узников ГУЛАГа, но об этом в другой публикации.

Фото 1. Дмитрий Федорович Калмыков (1873?- 05.03.1930) [3]

В первой части анкеты (заполняется заключенным) рукой заведующего местом заключения записано, что Д.Ф. Калмыков был беспартийным, по профессии хлеборобом, им был до момента ареста. В графе «Состоял ли на государственной службе, в каком чине» записано «Служил у белых в карательном отряде особого назначения», в графе «Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил» – «Садовладелец и торговец скотом». В графе «Привлекался ли к ответственности по суду или административном порядке» отмечено, что в 1921 году был осужден на 5 лет за невыполнение продразверстки, в графе «Когда арестован» – «25 января 1930 г.», в графах «Кем арестован, по чьему ордеру № ордера» и «Где арестован» – «Уполномоченным ОГПУ» и «ст. Заплавской на квартире». В графе «Предъявлено ли обвинение и в чем именно» – «Предъявлено обвинение по ст. 58¹⁰ и 58¹³».

Во второй части анкеты (заполняется администрацией места заключения) в графе «Официальное название места заключения» – «Новочеркасский изолятор», в графе «За кем зачислен» – «Особое совещание (далее неразборчиво) ОГПУ. В Новочеркасском изоляторе он находился с 26.01.1930 года в категории заключенных «Для внесудебного рассмотрения».

В обвинительном заключении идет речь о том, что Калмыков Дмитрий Федорович, 50 лет (в анкете 58), из казаков станицы Заплавской, кулак, крупный садовладелец, женат, беспартийный, с низшим образованием, злостный неплательщик налогов, в 1921 году был осужден Ревтрибуналом к 5 годам за невыплату продразверстки обвиняется в том, что в составе карательного отряда Особого назначения принимал активное участие в вооруженном восстании казаков в 1918 году, вел жесткую борьбу против большевиков и лиц, сочувствующих Советской власти. Он обвиняется в том, что по имущественному и социальному положению являлся кулаком и карателем, принимал участие в контрреволюционной кулацкой группировке под руководством кулака Яковлева В.А., действующей по обработке общественного мнения против Советской власти, организации срывов хозполиткомпаний, с угрозами террора над коммунистами, т.е. в преступлении, предусмотренных ст.ст. 58 п. 13, 58 п. 10 и 58 п. 11.

22 февраля 1930 на заседании Тройки СКК рассматривалось дело № 13826/СО по обвинению Яковлева Василия Андреевича и других в рамках дел «Для внесудебного рассмотрения» [3]. Она постановила (фото 2): 1. Яковлева Василия Андреевича. 2. Калмыкова Дмитрия Федоровича РАССТРЕЛЯТЬ. Семьи указанных лиц выслать в Севкрай, имущество конфисковать.

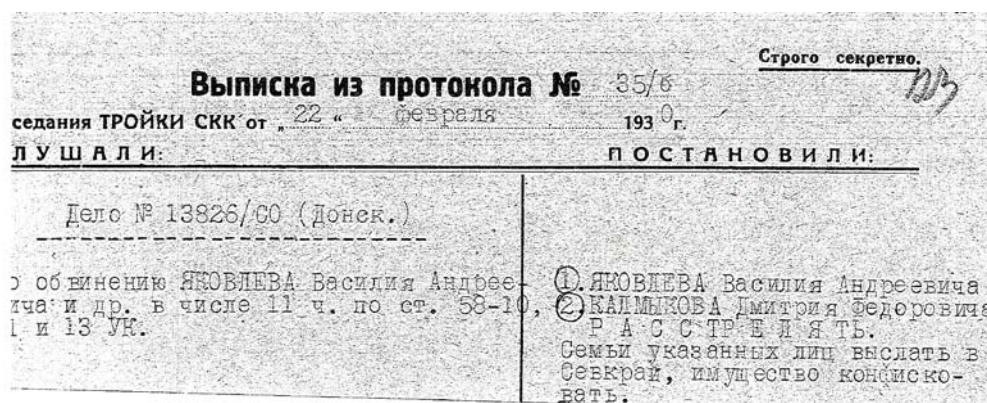

Фото 2. Часть листа с выпиской из протокола № 35/б д. заседания Тройки ССК от 22 февраля 1930 г. [3]

Других участников «контрреволюционной кулацкой группировки» (9 человек) приговорили к разным срокам в концентрационных лагерях с конфискацией имущества и высылке в Севкрай. Семьи тех, кто был приговорен к 10 годам в лагерях, также должны быть высланы в Севкрай.

Большая часть членов семьи Д.Ф. Калмыкова, не дожидаясь высылки, перебралась в г. Шахты, где стали работать под землей: стране нужен был уголь. Филипп Дмитриевич уехал в Кабардино-Балкарию, где длительное время работал бухгалтером в одном из колхозов. Дочь Д.Ф. Калмыкова, Елена Дмитриевна, работавшая на шахте, на время изменила фамилию и имя. Никто из членов семьи не был выслан в Северный край, дочь Анна Дмитриевна Чеботарева вместе с мужем Яковом Ефимовичем прожила в станице до конца своих дней. Возможно, это было связано с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 марта 1930 года о прекращении массового выселения кулаков из районов сплошной коллективизации, предписывавшего проводить его только в индивидуальном порядке. Что происходило на самом деле, никто не знает, поэтому не будем строить догадки.

В деле имеется документ, подтверждающий применение так называемой «меры социальной защиты» – высшей меры наказания: расстрела. Из акта от 5 марта 1930 г. (г. Новочеркасск) следует: Мы подписавшиеся, комиссия в составе секретаря об. IX корпуса Ключкова, пом. Уполномоч. ЭКО НООГПУ Изварина и Уполномоч. КРО Трегубова на основании постановления Тройки ПП ОГПУ ССК от 22/II-30 г. за № 35/б, привели приговор в исполнение над гражданином Калмыковым Дмитрием Федоровичем, смерть констатировал главврач Окружного военного госпиталя т. Чистяков. Комиссия: подпись Ключков, подпись Изварин, подпись Трегубов. Помощник Прокурора Донского округа СККрая по наблюдению за организацией расследований Н. Бибихин.

Это не интерпретация – это исторический факт, в результате которого Калмыков Дмитрий Федорович не дождался рождения одного из внуков – Калмыкова Николая Петровича, написавшего эти строки. По стечению обстоятельств день 5 марта стал последним днем и другого человека – Иосифа Виссарионовича Сталина, но 23 года спустя. Моему отцу, Петру Дмитриевичу, в начале 1930 года еще не было 15 лет, но страх остался на всю жизнь, за жизнь своих близких, за жизнь своих 4 сыновей – Валентина, Анатолия, Александра, Николая, родившихся значительно позже применения «высшей меры социальной защиты» в отношении их дедушки. Отца всегда отличало лояльное, терпимое отношение к советской власти, существовавшей в стране на протяжении всей его сознательной жизни. Он никогда не навязывал своего мнения окружающим, в том числе близким людям, особенно сыновьям, понимая, что они живут в среде, конфликт с которой не только не желателен, но и опасен.

Рассматривая приведенные факты через призму времени, можно достаточно уверенно утверждать, что Д.Ф. Калмыков наряду с казаками Багаевской, Бессергеновской, Заплавской, Кривянской, Мелиховской, Раздорской станиц принимал участие в так называемом «Кривянском восстании» весной 1918 года против Советской власти. В это время «Совет Обороны», переименованный 8-го апреля во «Временное Донское Правительство», оказывал содействие в преобразовании «Заплавских войск» в «Южную группу»

зарождавшейся Донской армии, которую позже возглавил генерал-майор К.С. Поляков, бывший командир бригады 5-й казачьей дивизии. Эти события спустя годы стали одним пунктом обвинения Д.Ф. Калмыкова по ст. 58. п. 11. Уголовного Кодекса РСФСР от 1926 года. Он гласит: «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные... в период гражданской войны», влекут за собой меру социальной защиты, предусмотренной 1 частью пункта 2 ст. 58 («Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний...») – расстрел и конфискацию всего имущества.

В машинописном протоколе допроса Д.Ф. Калмыкова имеются его ответы на поставленные вопросы, где действительно есть угрозы в адрес коммунистов: колхозы – дело добровольное, если будут силой принуждать вступать в него, то прихватчу с собой и коммуниста. Он исходил из предпосылки принципа добровольности вступления в колхоз, в действительности происходило совсем иначе. Трудно говорить об истинности этих ответов в силу многих причин, в том числе методов, используемых при допросах в ОГПУ, и практики составления протоколов.

Уже в 1928 году на апрельском и июльском пленумах ЦК ВКП(б) в центре внимания стоял вопрос кризиса хлебозаготовок и путей его преодоления, где проявились противоречия в вопросе решения возникших проблем между Н.И. Бухариным и И.В. Сталиным [4]. Предложения Н.И. Бухарина и его сторонников о выходе из ситуации (отказ от «чрезвычайных» мер, сохранение курса на подъём крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб и т.д.) были отвергнуты как уступка кулаку и проявление правого оппортунизма. С конца 1929 г. был взят курс на форсирование социалистического переустройства села, его выражением стала массовая коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Переход к политике «ликвидации кулачества как класса» произошел уже в ноябре 1929 г. после речи И. Сталина на конференции аграрников-марксистов, где было объявлено о «настоящем наступлении на кулачество» [5]. Сплошная коллективизация, или, по определению И.В. Сталина, «революция сверху» [6] – одно из самых трагических событий в отечественной истории, имевшее самые пагубные последствия для крестьянства и сельского хозяйства страны. Статья И. Сталина в газете «Правда» от 7 ноября 1929 г. «Год великого перелома», констатирующая произошедший перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов и выдвигавшая на этом основании задачу быстрее завершения коллективизации, стала «теоретической» базой обоснования ускорения коллективизации.

Незадолго до ареста Д.Ф. Калмыкова 5 января 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», согласно которому на Северном Кавказе коллективизация должна была завершена осенью 1930 г., или весной 1931 г. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 года краевые исполкомы были наделены правом использовать все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев [7]. По данным ОГПУ, за 1930-1931 гг. была раскулачена 391 тысяча семей, т.е. 1.8 миллиона человек, в том числе семья Д.Ф. Калмыкова. Он относился к первой категории – «контрреволюционный актив», в него входили участники антисоветских и антиколхозных выступлений, которые подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны, в частности в Северный край.

Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учётом «рекомендаций» сельских активистов и организаций сельской бедноты, что открывало широкую дорогу злоупотреблениям и сведению старых счётов, первой – исключительно местным отделом ОГПУ. Прежние критерии уже не отвечали современному положению, т.к. в 1929 году произошло значительное обеднение кулаков из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и доносам. Так, видимо, произошло и с Д.Ф. Калмыковым, было поднято его дело о невыплате продразверстки, за которое он был осужден Ревтрибуналом в 1921 году. Эти события, по всей видимости, легли в основу для обвинения Д.Ф. Калмыкова по ст. 58

п. 13. Вторая часть этого пункта «Призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контрреволюционных целей» предусматривает меры социальной защиты, предусмотренные ст. 59 п. 6 настоящего Кодекса. Согласно этой статье за отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения следует наказание вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества. Это обвинение усугубилось показаниями свидетелей И.Г. Гордеева (бедняк), М.Я. Маценко (маломощный середняк), И.А. Рубцова (бедняк) [3].

За три дня до исполнения приговора, 2 марта 1930 года в газете «Правда» (№ 60) была опубликована статья Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина «Головокружение от успехов», где шла речь о «перегибах на местах», допущенных при коллективизации. В ней были осуждены многочисленные случаи нарушения принципа добровольности при организации колхозов, критиковалась излишняя «ретивость» в деле раскулачивания. Вся ответственность за допущенные ошибки возлагалась на местное руководство. Реакция на статью, как и на Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе против искривления партийной линии в колхозном движении», принятого 14 марта 1930 г., последовала незамедлительно. Пока местные власти пребывали в полном смятении от противоречащих Постановлений ЦК ВКП(б), начался массовый выход крестьян из колхозов (5 млн чел. только в марте 1930 г.) несмотря на то, что Постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 не было отменено. В Донском округе число колхозов сократилось с 15 марта по 10 апреля с 81.8 % до 67 % [8]. Однако отступление от первых «успехов» было короткой передышкой, осенью 1930 года, после сбора урожая, колхозное строительство приняло новые обороты и необратимый процесс.

Обвинение Д.Ф. Калмыкова по пункту 10 статьи 58 УК РСФСР «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам», очевидно связано с пребыванием во Франции его сына – Стефана Дмитриевича. Наказание по этому пункту – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства, – расстрел.

В период нахождения Д.Ф. Калмыкова в Новочеркасском изоляторе было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», вышла статья И. Сталина «Головокружение от успехов». Они противоречили друг другу, а последняя уже не могла никак повлиять на приговор от 22 февраля 1930 года в отношении участников контрреволюционной кулацкой группировки – механизм насилия был запущен, приговор был оглашен, а через три дня после выхода статьи «Головокружение от успехов» меч «советского правосудия» сделал свое дело. В классовой борьбе, схватках политических группировок и межклановых битвах, сотрясавших страну, жизнь конкретного человека – ничто. В политическое сражение вольно или невольно были вовлечены миллионы граждан СССР, огромное число из них было повержено, оговоримся, не худших, лишив их свободы и жизни, только непонятно за что. Д.Ф. Калмыков, как и миллионы других невинных людей, был осужден и приговорен к «высшей мере социальной защиты» социалистического общества – расстрелу. Позже В.М. Молотов оправдывал политические репрессии: «Социализм требует огромного напряжения сил, в том числе и жертв...» [9]. Я не буду задавать вопрос «Кто виноват?», тем более вопрос «Что делать?», т.к. мы не способны найти истинные ответы, хотя они должны быть известны. Может быть, они недоступны людям, может быть, их знают ангелы, если не они, то, наверно, Бог, но это уже выходит за рамки нашего исследования. Если бы всего этого не свершилось, возможно, мы жили бы сейчас в другом царстве, в другом государстве. К сожалению, история не учит, но констатирует, что цепочка события развивается хаотично в соответствии с законами термодинамики, отраженная в строках З. Гиппиус:

*Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,*

О бедная, о грешная страна!..

Заключение. В данном случае, как всякий исследователь, смотрю на себя как на вызванного в суд присяжного заседателя. Его долг – наиболее полно исследовать факты и подкрепить доказательствами, прежде чем вынести вердикт. После этого приводит свою точку зрения, независимо от того, совпадает он с мнением других или нет. При этом он сохраняет спокойствие, голосует ли большинство заодно с ним либо же он остается в меньшинстве; свое дело он сделал, свое убеждение высказал, а над умами и чувствами он не властен.

Примечания:

1. Емельянов Э.И. Мы не забыли: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Ростов-на-Дону: РИО АО «Цветная печать». 1996. 398 с.
2. Емельянов Э.И. Мы не забыли: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Выпуск второй. Ростов-на-Дону: РИО АО «Цветная печать». 1998. 520 с.
3. Архив УФСБ России по Ростовской области, д. П-42490. т. 1. л. 17, 17 об., 123, 127.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. Изд. 8. М. 1970. С. 57, 385.
5. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 166-170.
6. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 291-292.
7. История колхозного права: Сб. закон. материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг., 1917-1936 гг. М., 1959. Т. 1. С. 166.
8. Центр хранения документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 97, Оп. 1, Д. 405, Л. 1.
9. Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властитель. М.: Изд-во «Олма-Пресс», 2002. С. 466.

УДК 94(47).084:343.43(470.61)

Недостающая страница книги памяти

Николай Петрович Калмыков

Аннотация. Приводится незначительная часть архивных данных о репрессиях на Дону в период коллективизации. На фоне судьбы конкретного человека раскрывается отдельная страница событий начала 1930-х годов.

Ключевые слова: Коллективизация; репрессии; казаки; станица Заплавская; Дон.

UDC 93

Interior Life of Kiev Cryptos (1941–1943)

Nikolai A. Slobodyanyuk

Dnepropetrovsk National University of Railway Transport, Ukraine
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: nikslobo@gmail.com

Abstract. The article, using well-known and newly published archive data, considers interior life of Soviet cryptos in Kiev. Special attention is attached to cryptos' daily routine, their personal relationship, moral environment in different groups and underground as a whole, struggle against invaders, fate of certain participants and organizations.

Keywords: Kiev; invasion; underground; Resistance movement.

Введение. Целью данной работы является исследование на основе антропологического подхода малоизвестных и малоизученных аспектов истории советского антифашистского подполья города Киева в 1941–1943 гг., отображение не столько истории киевского подполья, сколько истории киевских подпольщиков. Особое внимание уделяется повседневной жизни подпольщиков, их личным взаимоотношениям, моральному климату внутри разных групп и подполья в целом, условиям борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников и организаций. В попытке свести к минимуму влияние авторской позиции на ход изложения, а также помочь читателю окунуться в атмосферу того времени, в работе широко используется прямая речь документов.

Материалы и методы. Основной массив использованных в работе источников – это документы советского происхождения о партизанской и подпольной деятельности периода немецкой оккупации из Государственного архива Киевской области. В частности в фонде П-4 «Киевский горком Коммунистической партии Украины» собраны следующие материалы: справки о результатах партийной проверки деятельности подпольных горкома и райкомов КП(б)У; протоколы заседаний партийных бюро об утверждении отчетов и сами отчеты подпольных горкома, райкомов, отдельных организаций; протоколы заседаний Киевского подпольного горкома; отчеты о собственной деятельности подпольного горкома; цифровые данные Киевского горкома КП(б)У о боевой деятельности и о личном составе подпольных организаций.

Не меньшее количество использованных в работе материалов содержит Центральный государственный архив общественных организаций Украины. В фонде 1 «Центральный комитет Коммунистической партии Украины» особого внимания заслуживают обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов о мероприятиях германских властей на оккупированной территории СССР Главного разведывательного управления Красной Армии; инструкции ЦК КП(б)У для подпольных партработников по работе на оккупированной территории; материалы Украинского штаба партизанского движения о состоянии партийного подполья Киева; донесения и письма подпольщиков и разведчиков на «Большую землю»; стенограммы опросов участников подполья и свидетелей подпольной деятельности; индивидуальные отчеты подпольщиков; материалы НКГБ УССР по расследованию причин провалов партийного подполья в Киеве и областях УССР и разоблаченной немецкой агентуре и др. Также в ходе исследования использованы стенограммы бесед с участниками советского подполья из фонда 166 «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР».

Фонд 7 «Центральный комитет ЛКСМ Украины» содержит отчеты комсомольцев о подпольной работе, а также доклады комсомольцев вышестоящим органам о положении на оккупированной территории. Важным источником стали протоколы допросов причастных к подполью лиц в рамках расследования органами НКГБ УССР деятельности предателей и лжеподпольных организаций и групп из 5-го фонда «Архивно-следственные дела» Государственного архива Службы безопасности Украины.

Также в работе использованы некоторые документы немецкого происхождения. К ним, в первую очередь, относятся «Донесения с оккупированных восточных территорий» шефа полиции безопасности и СД (Центральный государственный архив общественных организаций Украины, фонд 57 «Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины»). Сравнительный анализ изложения фактов с двух точек зрения, советской и немецкой, дает возможность восстановить более объективную картину событий, сравнить оценки и акценты освещения этих событий в документах разного происхождения.

В работе использован историко-сравнительный метод, который предполагает сопоставление одних событий и фактов с другими, сравнение разных документальных источников. Метод проблемной хронологизации позволил выделить в теме исследования круг более узких проблем и осветить их в хронологической последовательности.

Результаты. В первые месяцы немецкой оккупации настроение большинства членов коммунистической партии оставляло желать лучшего. По мнению подпольщика П. Щербакова, одна часть большевиков сделала вывод, что советская власть больше не вернется и, поэтому, легализовалась и стала приспосабливаться к существующему положению вещей. Другая часть, опасаясь доносов и репрессий со стороны немцев за членство в ВКП(б), меняла место жительства, маскировалась и «отсиживалась». Третья часть заняла выжидательную позицию, чтобы впоследствии примкнуть к более сильной стороне [1]. И лишь небольшая часть коммунистов и комсомольцев приняла участие в активной борьбе с врагом.

Невероятно трудной задачей руководителей подпольных организаций и групп являлось поддержание конспирации и дисциплины, без которых выживание подполья практически сводилось к нулю. Им постоянно приходилось сталкиваться с нарушением правил конспирации, недобросовестным выполнением заданий, пассивностью и прямым неподчинением, соперничеством и самовольством со стороны подчиненных, личными конфликтами, сплетнями, заговорами, пьянством, распутством, воровством и присваиванием материальных ценностей. Нередко именно личная неприязнь и моральная несостоятельность как руководителей, так и рядовых членов подполья приводила к расконспирации организаций, дезертирству и предательству.

Ошибки при подборе кадров в подполье, неожиданно свирепые репрессии немцев, общая атмосфера растерянности и страха на фоне поражений Красной Армии привели к проявлениям пассивности, малодушия и даже предательства в подпольной среде. Например, хозяин конспиративной квартиры на Александровской Слободке М. Григурок по адресу ул. Петровская 21 б, где скрывался секретарь запасного горкома С. Бруз, отказался держать его на квартире [2].

Некоторые киевляне отказывались помогать подполью из-за страха за своих близких. По всей видимости, именно так обстояло дело, когда жена Николая Артюшенко спустила в унитаз несколько килограммов тола, предназначенного для взрыва водокачки [3]. Другие же, наоборот, излишне привлекали своих родственников к нелегальной деятельности. Так, в некоторые подпольные группы организации Г. К. Голеца новые члены привлекались из числа родных (мужья, жены, сестры, братья). Слишком большое количество родственников приводило к принятию ошибочных решений, продиктованных не долгом перед Родиной, а родственными связями. Например, к группе Пономаренко-Грищенко относилась семья Мочульских. Члены группы знали, что Жора Мочульский – ненадежный человек, имеет связи с женщинами легкого поведения и что это может привести к провалу группы. К сожалению, соратники ограничились разговорами с Мочульским, жалея его жену и детей. В конце концов, Мочульский был арестован и выдал участников своей группы [4].

На примере подполья Железнодорожного района столицы можно оценить обстановку, царившую в первые месяцы оккупации среди людей, оставленных для подпольной работы. Начало арестов и расстрелов «вызвало в среде неустойчивых людей... стремление сдаться, с тем, чтобы только сохранить свою жизнь. Некоторые поддались угрозам гитлеровских бандитов и отказались от работы. Иванов, Диденко на предложение т. Пироговского вести работу ответили категорическим отказом, а Чернота (б. председатель райпрофсожа), поработав месяцев 1,5-2 бросил организацию и выехал из Киева» [5].

Жена руководителя подпольщиков в Железнодорожном районе города Надежда Пироговская вспоминала, что человеческие и деловые качества многих из тех, кто оставался в

подполье, были далеки от идеала: «Как-то в выходной день я была дома. К нему приходили люди, в том числе Мироничев. О чем-то они долго говорили, потом те ушли. Он вышел уставший, недовольный, расстроенный. Я спросила – чем ты недоволен, или что случилось. Он с такой досадой сказал: «Лодырей у нас много, работать не хотят»... А потом такой случай был. Ярая зная, что мы все очень тяжело живем, предложила для подпольных работников свою молодую корову. Муж еще не знал куда ее деть и как лучше использовать. А кто-то из работников пошел к Ярой за этой коровой. Так муж пошел к Ярой и предупредил, чтобы она корову никому без него не давала. Он якобы сказал Ярой, что... он ее отдаст тому кто работает» [6]. Активную работу разворачивают лишь немногие. Среди них, В. Кудряшов и сам А. Пироговский.

Постоянным спутником некоторых подпольных организаций Киева, включая горком, стали пьянство, половая распущенность и безалаберность. Если в подпольную среду проникало моральное разложение, то оно приводило к внутренним конфликтам, ослаблению дисциплины, расконспирации, провалам и гибели многих людей. По данным НКГБ УССР, «члены бюро подпольного горкома КП(б)У Петрушко... Рябошапка, Смагин и др. конкретных указаний не давали, людьми не руководили, разложились в быту и занимались пьянством. На почве пьянства, бытового разложения, разбазаривания не по назначению средств и продуктов питания между членами организации происходили ссоры» [7].

Александра Герасимова, в своих показаниях рисует общую картину взаимоотношений между мужчинами и женщинами в киевском подполье весной-летом 1943 года: «особенно за последнее время наши ребята стали здорово пить... Ваня приходил и говорил – народ распустился. Вообще в организации появилось очень много женщин... которые плохо ведут себя. Деньги достают для организации, а их пропивают. В частности Соня Лавриненко сошлась с Печерским и в одной из пьянок приревновала его к одной связной. Был целый скандал по этому поводу и Соня решила отравить Печерского. Пятницкий говорил, что они не знают, что делать с Соней Лавриненко, очевидно, ее придется пустить в расход. В организации начался провал за провалом. Девушки сильно пьянствовали, начались скандалы. Несколько раз дело доходило до того, что чуть ли не вся организация должна была провалиться... я видела Геннадия и он сказал мне, что он идет в Знаменку и берет с собой Соню для того, чтобы убрать ее, потому что она хочет на почве ревности выдать его. Потом я узнала, что Геннадий якобы застрелил Соню» [8].

Несколько предательств в киевском подполье произошли именно на почве личной неприязни и конфликтов. Среди них следует назвать Дмитрия Благова из подпольной организации Г. Голеца, который стал пить и хулиганить, проболтался посторонним людям, что является подпольщиком, проявлял неподчинение руководителю группы. Неоднократные уговоры, беседы, попытки отправить Благова из Киева в партизанский отряд оказались безуспешными. Во время последнего разговора с Благовым ему пригрозили расстрелом, что, видимо, и подтолкнуло его к измене [9].

Если в случае с Д. Благовым одной из причин предательства было нежелание придерживаться дисциплины, то в случае с неким Шевченко, такой причиной стали деньги. Когда Иван Пятницкий потребовал от него 10 тыс. рублей для выкупа арестованных подпольщиков, то Шевченко был этим крайне возмущен и сказал, что это не организация, а банда, и от него требуют невозможного [10]. Связная горкома Вера Аристархова заявила, что «если будете с меня требовать работу, я работать не буду и заявлю в гестапо». Секретарь горкома К. Ивкин решил с ней поговорить, но этот разговор стал роковым для него и всей организации. В. Аристархова стала предателем [11].

Пребывание на нелегальном положении, факты предательства, поражения и репрессии способствовали распространению среди подпольщиков состояния взаимного недоверия и подозрительности. Например, после очередных арестов, руководитель одной из подпольных организаций Ленинского района Г. Голец был несправедливо заподозрен в измене. Командир партизанского отряда И.А. Хитриченко, с которым активно сотрудничал Голец, отдал тайный приказ о расстреле Голеца. Лишь случайность, правильное поведение и выдержка Голеца помогли ему избежать нелепой смерти [12]. Примечательно, что сам Хитриченко в 1944 г. был осужден Особым совещанием «за подозрительные связи с немецкими карательными органами». Оправдаться Ивану Александровичу не помогли даже его заверения, что в октябре-декабре 1942 г. будучи полицаем, а потом комендантом лагеря военнопленных, он

работал по заданию Николая Сороки, занимавшегося освобождением военнопленных и формированием из них партизанских резервов [13].

Когда случайно были задержаны и посажены в лагерь для военнопленных И. Кудря и Г. Дудкин, связная Кудри Мария Груздова просила оставшихся на свободе диверсантов НКВД помочь товарищам. Но те, по ее свидетельству, отказались: «...наши товарищи, с которыми я была связана, проявили себя очень плохо в отношении того, чтобы помочь выручить Ивана Даниловича. Особенно жутко проявил себя Соболев, который был связан с группой Коваленко. Соболев сильно струсил и совершенно отказался от помощи Кудре. Он даже отказался от совета. Ведь я была малоопытным человеком, а у людей, которые долго работали на следственной работе в органах, было больше опыта... Но я со всей ответственностью заявляю, что как Коваленко, так и Соболев жутко себя проявили. Они сразу отказались от Кудри, заявив, что они его знать не знают... Они мне сказали, что ничем помочь не могут, а если я хочу идти к Кудре, то что ж, могу подставить свою голову» [14]. Сама же Груздова, находясь под угрозой ареста, благодаря своей смелости, настойчивости и находчивости смогла расположить к себе немецких офицеров и вызволить руководителя из лагеря.

Когда была расконспирирована сама М. Груздова и стала остро нуждаться в жилье, деньгах и надежных документах, то Д. Соболев так же безжалостно отнесся и к ней. Вот, что она сообщила после перехода через линию фронта: «Около двух лет я работала, не считаясь ни со здоровьем, ни с семьей, работала честно и не было ни единого случая, чтобы я старалась себя сберечь в ущерб общему делу... И вот, когда случилась эта история с Кондратюком [арест И. Кудри – Авт.], то Соболев начал усиленно меня гнать из Киева. Что он мне говорил? Знаешь, ты для нас опасна, ты нам сейчас не нужна. Я ему на это отвечала: «Позвольте, Митя, ведь то, что Вы говорите – это значит просто пойти и отдаться им [гестаповцам – Авт.] в руки»... Соболеву хорошо был известен тот контроль, который организовывали немцы на дорогах. Как можно было идти без единого документа? Со своим паспортом я идти не могла, так как у меня дома сидела засада и если бы меня задержали, то сейчас же доставили бы в Киев, а без паспорта идти тоже нельзя. Мне не хотелось глупо класть свою голову, это никому не нужно было. Я сказала Соболеву – Митя, Вы мне должны помочь и прежде всего материально. Я осталась без всего... Встретилась я с Соболевым. Он мне говорит – через три дня ты должна уйти со Сталинки, иначе я приму меры. Куда я могла уйти? Для того, чтобы я могла уйти мне нужно помочь, нужно подготовить мой уход. Я хочу уйти, сама предложила, что уйду, но мне нужна помощь. Соболев начал на меня кричать – ты нам не нужна, уходи куда хочешь, не мое это дело. Положение у меня было очень тяжелое. Этот разговор происходил при Печенева. Печенев заметил Соболеву – нельзя так подходить, выходит, что мы использовали человека, а потом выбросили его. Она ни в чем не виновата, никого не провалила, никого не предала. Все-таки ей нужно помочь. Соболев налетел на Печенева – не твое дело мешаться и снова мне сказал – уходи, чтобы через три дня твоего духа тут не было... Я вышла на улицу и мне буквально некуда было идти. Я осталась на улице, а на улице можно быть только до 8 часов вечера. Мне было очень обидно. Кто должен был мне помочь в моем положении? Только наши товарищи. Я за собой никакой вины не чувствовала, была совершенно чистой и мне было обидно, что со мной так поступают» [15].

Несмотря на многочисленные примеры негативного поведения подпольщиков, нельзя сказать, что киевское подполье сплошь состояло из пьяниц, развратников, трусов и интриганов. Сам факт членства в нелегальной организации грозил каждому из подпольщиков материальными и моральными лишениями, пытками и смертью. А значит, каждый из них обладал определенной долей смелости и любви к Родине. Один и тот же человек в личных отношениях мог показывать себя не с лучшей стороны, но в борьбе с оккупантами часто проявлял положительные качества характера.

В архивных документах отложилось немало случаев стойкого и героического поведения подпольщиков в сложных ситуациях. В самом начале оккупации Киева на бульваре Шевченко за саботаж повесили трех молодых людей, работавших на территории кабельного завода. Перед смертью они сказали: «сегодня нас вешают, а завтра вас, мы погибаем за родину». Один из этих парней при повешении сорвался. Его хотели еще раз повесить, но он так сильно ударил в живот палача, что тот на месте застрелил его [16].

Когда после предательства И. Кучеренко был арестован секретарь Сталинского райкома ЛКСМУ Г. Синицын, его товарищи пытались найти возможность его освобождения. Его

заместитель Александр Подвласов идет на смертельный риск. Он перекрывает воду в тюрьмы гестапо и, получив вызов на ремонт, обходит все камеры заключенных. Подвласов не нашел Сеницына, но сделал все возможное, чтобы спасти его [17].

Проявляли мужество не только подпольщики, но те, кто им помогал. Так, когда гестаповцы арестовали члена диверсионной группы Г. Дудкина, он улучшил момент и сильным ударом в лицо сбил с ног одного гестаповца. Дудкин, воспользовавшись замешательством, забежал во двор, где была какая-то столовая. Он зашел в столовую и сказал: «Товарищи, я не бандит, я коммунист. Спасите меня». Какая-то женщина выпустила его через черный ход и он смог скрыться [18]. Восемь часов вели бой с гестаповцами в осажденной квартире подпольщики Кагановичского района В. Ананьев и М. Сорока. После полного расхода патронов они были арестованы 5 января 1943 г. и впоследствии расстреляны. А командир вооруженных отрядов горкома В. Чернышов в момент ареста бросился на гестаповцев с топором, ранил двоих из них, пытался бежать и был схвачен только после ранения в ногу [19]. А вот у Ивана Васильева, который 15 июня 1942 г. попал в засаду на явочной квартире Якименко, не было ни огнестрельного, ни холодного оружия. Тогда он разбил гестаповцу голову графином и убежал [20].

17 мая 1943 г. руководитель подпольной организации в депо Киев-Московский А. Тимошук при выходе из конспиративной квартиры, заметил, что к дому подъехал автомобиль с вооруженными гестаповцами. Тимошук бросился бежать, но они открыли по нему стрельбу и ранили подпольщика. Истекая кровью, Тимошук пережевывал во рту документы и, видя свое безвыходное положение, взорвал у себя на груди гранату [21].

Не желая переносить пытки, просил товарищей передать ему яд и секретарь подпольного Киевского горкома К. Ивкин. Он был ранен, оказав сопротивление при аресте, и находился в больнице под охраной гестапо. Товарищи достали Ивкину яд, однако передать его не успели [22]. До последнего отстреливался при аресте, а потом застрелился секретарь Молотовского подпольного райкома партии Н. Ухо [23].

По рассказам арестованной связной Галины Салан достойно себя вели в немецкой тюрьме и другие руководители подполья. Чернышов часто пел революционные песни, а А. Пироговский предложил ей свои ботинки со словами: «Мне все равно умирать, а тебе наверное в концлагере быть придется» [24]. Член подпольного горкома г. Киева Владимир Исидорович Кудряшов был арестован 2 июня 1942 года. Характеризовался как энергичный, смелый, волевой человек с большими организаторскими способностями, преданный Родине. Перед своей смертью он 17 июня 1942 г. тайком передал своим родителям письмо, которое характеризует Кудряшова как искреннего и стойкого коммуниста и антифашиста: «Здравствуйте дорогие родители. Меня ожидает смерть. Ее я не боюсь принять, но жаль, что смерть должна меня поразить через предательство «русского человека». Тот, кому доверяли сотни молодых... оказался предателем... Пусть это имя будет ненавистно Вам и всем тем, кому дорога родина. Имя его Кучеренко Иван. Предательством он думал приостановить дело, за которое мы боролись... Чудак, не станет нас, станут другие русские патриоты. Их много, и священное дело освобождения от ненавистного фашизма будет скоро торжествовать победу. Дорогие, я буду умирать честно... Передайте брату, сестре, сыну Саши и жене последнее прощание. Саше передайте, чтобы рос честным для народа, крепким, смелым. Чтобы врагов ненавидел также, как и его отец. Пусть будет здоров и счастлив. Мама зайди к Поле и передай ей большое спасибо от меня за то все, что она для меня сделала. Передай через Полю привет и успехи в жизни Броне Петрушко. О ней у меня приятное воспоминание... Если зайдет Шура, привет также. Очень хороший товарищ и друг, с которым пришлось много поработать на дело народа. Привет всем тем, кто с нами работал, помогал и жил мыслью освобождения в священной борьбе русского народа от ненавистного фашизма. Прощайте, целую Вас крепко Ваш сын, отец, брат и муж [25]».

В советской литературе стереотипный образ подпольщика практически всегда сопровождается героическим ореолом. Это человек, весь смысл жизни которого сводится к борьбе с врагами. У него почти нет слабостей, нет собственных интересов и личной жизни. Подпольщик-руководитель – мудр и авторитетен, а подчиненные – исполнительны и самоотверженны. Примерно такой образ антифашиста закрепился и в общественном сознании. Но даже сквозь время, историческую традицию и официоз документов становится заметным, что борцы с оккупантами, так же как и другие люди, любили, болели, боялись,

ошибались, ссорились. Их действия могли быть противоречивыми, а мотивы запутанными. В целом подпольщики были хотя и разными, но все-таки обычными людьми. Поэтому воссоздать универсальный образ типичного подпольщика не представляется возможным, однако, можно выделить несколько типажей среди подпольщиков.

Пожалуй, наиболее положительным примером героя-подпольщика был секретарь подпольного Железнодорожного райкома партии Александр Сидорович Пироговский. Доступные нам свидетельства о Пироговском характеризуют его как хорошего семьянина, преданного советского патриота и жертвенного подпольщика. Наряду с этим, Пироговский предстает в образе идеалиста-романтика, который в повседневной подпольной работе излишне доверялся людям, окружал себя персонами, далекими от его собственного идеализма, и не обладал необходимой для такого руководителя амбициями, волей и жесткостью. Хотя именно организацию Пироговского можно назвать наиболее успешной подпольной структурой в оккупированном Киеве, но и она, в конце концов, пережила предательство и провалы.

Исходя из воспоминаний жены Пироговского Надежды, в отличие от многих других подпольщиков, ее муж никогда не использовал свою руководящую позицию в личных целях и был искренним коммунистом: «Он был очень хороший человек, семьянин прекрасный, любил семью, заботливый, внимательный... еще когда партторгом на лесозаводе «1-го мая» работал [до избрания партторгом Пироговский был рабочим этого завода, а накануне войны стал его директором – Авт.], народ его очень любил за прямоту, правдивость и настойчивость. Помню, рабочие даже к нему на квартиру ходили и рассказывали свои нужды и он никогда не оставлял без внимания человека.

А при немцах так он весь отдался подпольной работе. За эти два года он не работал и жили мы только на то, что я зарабатывала, работая бухгалтером мясомолочного торгова. Мне очень, очень приходилось тяжело. Работала от 7-8 ч. утра до ночи. Денег не хватало. Мы всегда были голодны. Но нам изредка помогали товарищи.

Муж вынужден был идти работать, когда я заболела тифом. Больше двух месяцев я отлежала в постели. Работал он курьером на пивзаводе. Но вынужден был уйти оттуда, так как однажды, разнося бумаги, он встретился с бывшим секретарем комсомольской организации Чернышевым, который оказался фольксдойч и был полицаем...» [26].

Секретарь Железнодорожного подпольного райкома КП(б)У А. Пироговский 5 ноября 1943 г. за несколько часов до прихода Красной Армии был расстрелян гестапо. После освобождения столицы Украины Надежда Пироговская никак не могла найти могилу мужа. Не требуя почестей при жизни, А. Пироговский не получил их и после смерти: «У меня в последние месяцы столько горя, что я буквально голову потеряла. Умерла мать от сыпного тифа, был болен сын два месяца... В это время я никак не могла навестить могилы мужа. На днях как-то прихожу навестить в Пушкинский парк. Меня туда не пускают красноармейцы... направили к полковнику... Он мне сказал, что в парке организуется выставка и трупы, похороненных в парке... выкопаны и вывезены, куда, он не знает... Я ходила на Лукьяновское и Байковое кладбище, там сказали, что здесь нет. Но я страшно боялась, что его откопали и положили в братскую могилу. Такое предположение высказывал работник похоронного бюро. Это ужасно, что я теперь даже не знаю, где могила моего мужа» [27].

Один из ближайших соратников А. Пироговского по борьбе, второй секретарь Железнодорожного райкома Георгий Павлович Мироничев (кличка – «дед Мороз»), получил от инструктора оргинструкторского отдела Киевского горкома КП(б)У С. Чепижко, которая после освобождения Киева от оккупантов занималась проверкой деятельности киевского партийного подполья, отнюдь не лестную характеристику: «Анализируя деятельность каждого подпольного работника, о Мироничеве приходится сказать как о человеке недалеком. Он несерьезный в своих делах и поступках, не принципиальный, он может спорить до бесконечности по пустякам, упуская главное... больше заботится о собственном благополучии, чем о товарищах и работе. Складывается такое впечатление, что он серьезно отдавался торговле шапками на базаре и немного занимался подпольной деятельностью. Из разговора с Зайцевой Т., с которой жил Мироничев эти годы, установлено, что жили они хорошо, ни в чем не нуждались, имели возможность ежегодно устраивать пышные именины и елку своему сыну, приглашая гостей до 30 человек. В полной мере характеризует Мироничева как человека нескромного, аполитичного, тот факт, что он предъявил в партийные органы счет на

оплату зарплаты всем подпольным работникам и прежде всего себе за весь период оккупации за аренду хозяевам конспиративных квартир в сумме 311.20 р. Мироничев в течение года после освобождения г. Киева нигде не работал (проживая неизвестно на какие средства) только потому, что он не хочет идти на рядовую хозяйственную работу, а претендует только на партийную руководящую работу» [28]. Бросается в глаза разница между почти нищетой руководителя подпольного райкома и неплохими материальными условиями жизни его подчиненного.

Весьма похожими на Мироничева были и жизненные принципы члена Железнодорожного райкома, а впоследствии секретаря Киевского подпольного горкома Брониславы Ивановны Петрушко. Она родилась в 1907 году, по национальности – полька, образование 7 классов, член ВКП(б) с 1932 года, до войны работала начальником конторы обслуживания пассажиров станции Киев-Пассажирский. Она обладала деловой хваткой, не терялась в сложных ситуациях, умела произвести впечатление и войти к доверие к нужным людям.

Характерно, что и Петрушко, и Мироничев характеризовали Пироговского «как человека слабенького, безвольного и безынициативного». Однако, это не помешало Мироничеву и Петрушко впоследствии приписать себе заслуги других подпольщиков, в том числе и «слабенького» Пироговского [29]. В первом варианте отчета о работе Железнодорожного подпольного райкома КП(б)У Мироничев о Пироговском вообще не упомянул [30].

А вот как их самих описывает С. Чепижко, проводившая партийную проверку их деятельности: «Анализируя деятельность Петрушко и Мироничева, нельзя не заметить какую-то чрезмерную легкость в поведении, в словах и делах. Просто исключительная несерьезность и безответственность. Мироничев дает задание взорвать Днепровский мост сначала Добрынину, затем Ильковскому, обещая награду, – орден Ленина и Героя, – не обеспечивая взрывчаткой, и потом, только потому, что Добрынин сообщил, что вода в Днепре стала холодная, соглашается, что мост можно и не взрывать; Колесникову... поручает одному взорвать железнодорожные пути в Боярке (не говоря, где именно, в связи с чем именно в Боярке), не обеспечивая взрывчаткой» [31].

После разгрома немцами подпольного горкома летом 1942 года Б. Петрушко встречается с двумя женщинами-связными от ЦК КП(б)У. Связные вернулись в Москву и доложили, что после провалов Б. Петрушко возглавила всю городскую подпольную организацию. Петрушко сознательно не устраивает встречи связных с работниками Железнодорожного подпольного райкома, а пишет доклад в ЦК КП(б)У, в котором создает видимость, что она теперь возглавляет подполье Киева.

В 1943 г. в Киев снова приходят связные ЦК КП(б)У с заданием найти А. Пироговского и передать ему указание возглавить всю подпольную деятельность в городе. Б. Петрушко снова не связывает связных с Пироговским. После того как связные ушли, Бронислава передает И. Мироничеву, члену бюро Железнодорожного подпольного райкома, о том, что ей «санкционировали» организовать новый горком партии. После этого в июле 1943 г. Б. Петрушко удается установить связь с партизанскими отрядами и получить от них полномочия на организацию горкома.

В конце июля 1943 г. представители ЦК КП(б)У вызвали Б. Петрушко в партизанское соединение И. Хитриченко, и в августе 1943 г. там отменяют прежние полномочия Б. Петрушко на руководство горкомом и передают через нее указания, чтобы Железнодорожный райком партии распространил свое влияние на все городское подполье. Петрушко или, как ее называли, «Оля» возвращается в Киев и не передает новые указания ЦК КП(б)У, а наоборот, сообщает Пироговскому и Мироничеву, что именно ей поручено создать новый горком и подпольные райкомы. С. Чепижко докладывает о результатах проверки деятельности Б. Петрушко следующее: «Пироговский – очень скромный и дисциплинированный коммунист, он дает санкцию на это Петрушко. Тогда Петрушко оформляет это решением бюро Ж. Д. райкома (8.VIII–43), где записано, что ей поручается создать горком... Она встречается с Рябошапко, Смагиным, Ячником, Малеванчуком и создает горком, причем Смагин и Малеванчук даже не были членами партии... Она не ввела проверенных достойных людей Зосенко, Ровинского, Синегуба, т. е. тех, кто действительно работал, но отказались иметь с ней знакомство и дело. В сентябре 1943 г. ... она выдвигает

лозунг вооруженного восстания, тогда как ей такого задания из ЦК КП(б)У не было дано. Действует она, устраивая многолюдные, частые совещания, расконспирирует всех... так как все являлись она одну общую явочную квартиру. Создает штаб по руководству вооруженными силами, в который попадают три агента гестапо Несвежинский, Костенко, Нестеров... Петрушко не совсем чистоплотна и в вопросах бытовых, – деньги получаемые от различных лиц (от Жюля 8 т., Ренской О. П. – 35 т. р., от Кононова А.А. – 100 литров спирта) расходовала на личные нужды [32].

Когда в октябре 1943 г. агент абвера пришел арестовать Петрушко, она оказала ему «упорное сопротивление»: «Ольга, когда вышла в коридор стала упорно сопротивляться, хватаясь руками за перила, кричала «помогите» и требовала... чтобы я ей разрешил взять с собой платок. На крики Ольги соседи выбежали в коридор... После этого Ольга снова отказывалась идти, я её предупредил, что если она не пойдет, я её застрелю на месте, намериваясь на неё пистолетом, однако и эти мои запугивания на неё не действовали, и она продолжала держаться руками за перила. В связи с тем, что я был один, и Ольга кричала «помогите», я считал, что в этом доме есть кто то, из таких лиц, которые могут оказать ей помощь. Имея намерение быстрее её вывести на улицу, я схватил Ольгу за пальто, начал её тянуть и поскольку она сопротивлялась, я оборвал ей рукав пальто. Физически Ольга была значительно слабее меня, сильно устала, и я её повел на улицу, однако Ольга продолжала оказывать сопротивление, хватаясь за перила. Когда я её вывел на улицу, Ольга схватилась за дерево, заявляя, что она не пойдет, но к этому времени ко мне подоспел «Студент», с которым мы взяли Ольгу под руки и повели на ул. Саксаганского. В пути Ольга заявила, что она устала и просила, чтобы ей предоставили возможность отдохнуть. Я и «Студент» подвели Ольгу к дому и освободили её руки, в это время она стала бежать, мы её задержали и снова повели...» [33].

Об актерских способностях Петрушко говорят и обстоятельства ее побега из-под ареста в гестапо. Своим поведением она заслужила определенное доверие немцев, так как они еще не знали, что имеют дело с одной из ключевых фигур киевского подполья, и ослабила их бдительность. Ей поручили произвести уборку одного из помещений, и когда все ушли на завтрак 31 октября 1943 г., она выпрыгнула в форточку и убежала [34]. Такой побег был настолько невероятен, что в него долго не могли поверить некоторые подпольщики, а после освобождения Киева и сотрудники НКГБ.

Б. Петрушко укрылась на квартире супругов Тамары Подлесной и Александра Кривца – надежных подпольщиков, живших неподалеку от здания «Абверштелле» на бульваре Шевченко. К вечеру следующего дня Александр Кривец вместе с двумя молодыми подпольщицами Леной Заниной и Валею Шубиной вывез Брониславу на «полutorке» в село под Васильков, где жили родители Георгия Шубина – руководителя подпольной организации киевского трамвайного управления [35]. А через неделю в Киев вошла Красная армия.

Наряду с героями-романтиками и меркантильными проходимцами в подпольной среде можно было встретить авантюристов и пижонов вроде Жоржа (Георгия) Левицкого. До войны Георгий Исаевич работал директором трамвайного треста в Кишиневе, состоял в партии. Жорж не любил уделять много внимания вопросам организационного строительства и конспирации, зато любил выпить, красивую жизнь и женщин. Любовница и связная Жоржа Татьяна Маркус обвиняла Б. Петрушко в том, что та «путается с Левицким» [36].

Такие люди, как Г. Левицкий, были незаменимы при проведении терактов, диверсий и вооруженных налетов. Именно поэтому Левицкий был введен в состав штаба диверсионно-подрывной деятельности при подпольном горкоме Киева. Один из подпольщиков описывал Жоржа таким образом: «Жорж Левицкий по натуре хвастун... Он являлся активным в разговорах, у него всегда были такие слова – я сделаю, я сообщу, доложу, на конкретного ничего не было. У него были разговоры – кому бы голову сорвать. Его сильно интересовала материальная сторона. Когда я ему дал возможность продать бочку каустика за 30 тысяч, то у него сразу появился новый костюм, новая шляпа, а курил он не махорку, а сигареты. Он много раз обещал познакомить меня с Ивкиным, но через него я ни с кем не познакомился, потому что, по моему, он сам ничего не знал. Причем Жоржа Левицкого я знаю по немецкой прессе, что он и еще четыре его товарища расстреляны за кражу и убийство композитора Ревуцкого» [37].

Еще один тип киевских подпольщиков – это люди, присоединившиеся к движению Сопротивления только с приближением Красной Армии. Как правило, такие люди вступали в

подпольные организации по конъюнктурным соображениям, не отличались активностью и преданностью.

Иван Иванович Костенко только в начале сентября 1943 г. был вовлечен в подполье членом бюро горкома Петром Рябошапкой. Уже 10 сентября по рекомендации Рябошапки его ввели в состав бюро Петровского подпольного райкома КП(б)У. А примерно 20 сентября 1943 г. решением подпольного горкома Костенко назначается начальником штаба вооруженных отрядов горкома. Не менее головокружительную карьеру сделал Абрам Зельманович Несвежинский (в документах также проходит под именем Нестеров Александр Зиновьевич). По рекомендации Костенко он был принят в сентябре 1943 г. в подпольную организацию. Не успев провести никакой работы против оккупантов и проявить себя в деле, уже в октябре 1943 г. решением бюро подпольного горкома КП(б)У он становится начальником боевого штаба вооруженных отрядов подпольного горкома. Вскоре за пьянство и несоблюдение конспирации Несвежинский с этой должности был снят. Но вместо того, чтобы полностью отстранить Несвежинского от руководства, горком назначил его начальником разведки своих вооруженных отрядов [38].

Такая кадровая политика имела самые печальные последствия. Будучи арестован 29 октября 1943 г., Несвежинский заявил агенту абвера, что вступил в подпольную организацию не идейно, а чтобы оправдаться перед советской властью. Далее он сам предложил выдать оставшихся на свободе соратников и принять его на работу в абвер [39].

Несмотря на хаос военного времени, жизненный путь И. Костенко и А. Несвежинского складывался удивительно синхронно. Каждый из них занимал должность начальника штаба полка Красной Армии. Оба попали в окружение и плен в Уманском котле. После освобождения из плена вместе стали заниматься спекуляцией в оккупированном Киеве. Почти одновременно они становятся членами подпольной организации, занимают руководящие должности в киевском горкоме. Оба были арестованы немцами, стали предателями и вместе на очных ставках изобличали неосознававших подпольщиков. После войны оба друга получили от советской власти по 10 лет лишения свободы [40].

Заключение. История киевского подполья – это одновременно подвиг и трагедия его участников. Укоренившийся в массовом сознании стереотип о героях-подпольщиках, которые только и думают, что о борьбе с фашистами и преодолевая все трудности постоянно проявляют мудрость и героизм, сплоченность и самопожертвование, несколько тускнеет в свете архивных документов. Жизненный путь подпольщиков, информация о которых сохранилась в источниках, дает нам основание сделать вывод, что их действия и личные качества не вполне отвечают романтическому образу, созданному советской пропагандой. Это были люди со своими достоинствами и недостатками, которые могли сочетать в себе как поступки, требующие осуждения, так и примеры, достойные подражания. В протоколах, стенограммах, донесениях, отчетах, справках и письмах просматриваются живые люди со своими характерами, сложными взаимоотношениями, меркантильными интересами, личным соперничеством и амбициями, некомпетентностью, безалаберностью, пьянством и аморальным образом жизни. И часто именно человеческий фактор, личный, а не общий интерес, были определяющими в подборе людей, планировании работы, принятии решений и самой судьбе подпольных организаций. Тем не менее, рядом с этим шли и беспримерная вера в победу над врагом, и дерзкие операции, и героизм, и самопожертвование. Подвиг подпольщиков становится еще более очевидным, когда читаешь о тяжелейших бытовых условиях жизни в оккупации, о трудностях в материальном обеспечении подпольной работы, о сложных судьбах и характерах участников подполья. И тогда приходит понимание, что главный пример героизма антифашистов заключался не только в том, чтобы умереть как настоящий герой, но и в том, чтобы каждый день героически жить и бороться в подполье.

Примечания:

1. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 373. Л. 245.
2. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 119.
3. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 369. Л. 61.
4. Государственный архив Киевской области (далее – ГАКО). Ф. П-792. Оп. 1. Д. 191. Л. 8.
5. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 6.

6. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 97.
7. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 128.
8. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 52.
9. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 89-93.
10. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 349. Л. 45-47.
11. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 349. Л. 87.
12. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 100-108.
13. ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 36466 ФП. Л. 127.
14. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 23.
15. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 55-57.
16. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 91.
17. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 266. Л. 27.
18. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 31.
19. Государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ГА СБУ). Ф. 5. Д. 58897. Л.

100.

20. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 282. Л. 18.
21. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 193. Л. 91.
22. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 363. Л. 146.
23. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 117.
24. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 49.
25. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 4-5.
26. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 94.
27. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 93.
28. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 22-23.
29. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 21.
30. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 367. Л. 91.
31. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 20.
32. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 25-27.
33. ГА СБУ. Ф. 5. Д. 58897. Л. 95.
34. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 368. Л. 39.
35. Евсеев С. Подпольный горком собрался в Киеве // День (г. Киев). 1998. 6 ноября.
36. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 368. Л. 101, 123.
37. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 368. Л. 110.
38. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 129-130.
39. ГА СБУ. Ф. 5. Д. 58897. Л. 103.
40. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112.

УДК 93

Внутренняя жизнь киевских подпольщиков (1941-1943 гг.)

Слободянюк Николай Анатольевич

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта, Украина
 Кандидат исторических наук, доцент
 E-mail: nikslobo@gmail.com

Аннотация. В статье на основе уже известных и впервые опубликованных архивных источников рассматривается внутренняя жизнь советских подпольщиков города Киева. Особое внимание уделяется повседневности подпольщиков, их личным взаимоотношениям, моральному климату внутри разных групп и подполья в целом, условиям борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников и организаций.

Ключевые слова: Киев; оккупация; подполье; движение Сопротивления.

UDC 94(477.54)«1943/1953»:[355.48:341.324]

Festive Commemorations as a Part of the Soviet Politics of Reminiscence of the Nazi Occupation (the Kharkov Region Case Study), 1943–1953

Iryna Y. Sklokina

D.I.Bahaliy Center for Ukrainian Studies at V.N.Karazin Kharkiv National University, Ukraine
61124, Ukraine, Kharkiv, Groznenska Str., 54, kv. 71

Assistant

E-mail: orysia2011@gmail.com

Abstract. The article presents the Nazi occupation in the public space of Soviet period, which highlighted the success of the economic recovery and motivated the population on new achievements. Specific method of occupation representation inseparably linked the urban identity of Kharkov and its Soviet character, while the celebration rituals used mostly the rhetoric of population's gratitude for liberation. This fact promoted the reintegration of the postwar society on the base of Stalinist political culture. Despite the fact that after 1948 there were no days-off in commemoration of the war, war reminiscences were celebrated at the local level during the postwar period, but they mostly related to mobilization and propaganda, rather than to recreation and entertainment.

Keywords: Soviet politics of reminiscence; commemorations; Kharkov Region; Stalinist political culture.

Введение. Официальная политика памяти о Второй мировой войне и нацистской оккупации, то есть создание, поддержание и чествование определенного образа прошлого, в послевоенное время имела значительное влияние на советское общество, а особенно на судьбы всех тех советских граждан, которые имели опыт пребывания на оккупированной территории. Политика памяти способствовала легитимации советской правящей элиты и постепенно становилась одной из основ советской идеологии. Праздничные коммеморации, то есть воспоминание событий времен войны в форме ритуализированных действий по чествованию пришлого, были одной из важных составляющих этого процесса, так как представляли собой не только орудие пропаганды, но и способ преодоления военной травмы через ритуал. Актуальность этой темы определяется не только осязаемым присутствием коммемораций войны в публичной советской культуре и их массовым характером, но также и недостаточной разработкой темы на локальном уровне.

Материалы и методы. В целом советская праздничная культура уже стала предметом активного изучения [1-7], с использованием более универсальных теоретических подходов к пониманию роли праздничных коммемораций и политических церемоний в обществе (см., в частности: [8; 9]). Однако, большинство исследований праздников сосредоточивается на довоенном периоде развития СССР, причем использует скорее культурологический подход, исследуя само явление праздника или политического ритуала. Тематика советских празднований, связанных с войной, рассматривается в исследованиях Н. Тумаркин [10], А. Вайнера [11], Д. Андреева и Г. Бордюгова [12], М. Райли [1] и других, на местном уровне тему исследовал В. Антощенко [13]. Однако, в рамках темы остается много нераскрытых аспектов, и далеко не всегда к ее рассмотрению привлекается архивный материал. Эта статья ставит своей целью проследить связь коммемораций конкретных событий пришлого, а именно оккупации Харьковщины, со сталинской политикой памяти и послевоенным восстановлением в широком смысле. Источниковая база нашего исследования включает как архивные материалы, главным образом фонды местных партийных организаций [14; 15], радиовещания [16], так и материалы прессы и публицистики [17; 18; 19].

Обсуждение. На Харьковщине коммеморации, связанные с темой нацистской оккупации, происходили в связи с годовщинами освобождения главного города области 23 августа и Дня победы 9 мая. Показательно, что все документы партийных органов, в которых давались конкретные указания по поводу организации празднований, были

секретными, очевидно, из тех соображений, что мероприятия по чествованию памяти о войне должны были представлять как «народная» инициатива, а не как полностью спланированные и руководимые сверху акции.

В первые послевоенные годы день освобождения от оккупантов воспринимался как дата, к которой следует подвести результаты хозяйственного года (что было сделано для восстановления Харьковщины с момента освобождения). В 1944 г. первый секретарь обкома партии В. Чураев рекомендовал секретарям райкома партии «провести этот день под знаком политической мобилизации трудящихся на решение военно-политических и хозяйственных задач всесторонней помощи фронту». По радио обязательно транслировалось выступление одного из секретарей обкома, в котором давался небольшой экскурс в военное время, но в основном раскрывались хозяйственные успехи и планы, описывалось состояние различных предприятий и хозяйств [16]. На всех предприятиях, хозяйствах и учреждениях 22 и 23 августа 1944 г. следовало провести торжественные собрания с докладами «Харьковщина за год», где осветить «героическую борьбу Красной Армии, советского народа против немецко-фашистских оккупантов, достижения Харьковщины и района за год, борьбу харьковчан против немцев, роль парторганизаций в организации и руководстве этой борьбой, помощь правительства и братских народов в возрождении хозяйства и культуры области, очередные задачи района» [14. Оп. 2. Д. 340. Л. 62]. Важной составляющей такого празднования было развертывание социалистического соревнования. Еще одна своеобразная форма чествования – сельскохозяйственная выставка на площади Дзержинского (главной и самой большой площади города), которая должна была символизировать изобилие и благоденствие в противовес голоду и страданиям периода оккупации. Такая же выставка была организована и в годовщину 1945 г. [14. Оп. 1. Д. 571. Л. 179–180].

В 1946 г. наряду с указанными выше мероприятиями, направленными скорее на мобилизацию трудового энтузиазма населения, его «идеологической бдительности», были также и мероприятия развлекательного характера, которые должны были отображать социалистический оптимизм, энтузиазм и радость граждан сталинского СССР. На площадях Харькова и в саду Т. Шевченко 9 мая 1946 г. происходили массовые народные гуляния, проходили концерты, на которых, среди прочего, выступали 300 участников художественной самодеятельности [20. Оп. 1. Д. 28. С. 15]. В том же году в связи с празднованием третьей годовщины освобождения Харькова были организованы концерты на площади Дзержинского, а 24 августа – карнавал в парке культуры имени Горького, причем количество посетителей этих мероприятий оценивалась в 25 тыс. чел. [20. Оп. 1. Д. 28. Л. 150б]. Народные гуляния в Харьковской области проводились в день перед 9 мая, а собственно в День победы происходили митинги и выступления самодеятельных коллективов. В Валковском районе 8 мая было организовано народное гуляние, продолжающееся до полуночи.

В 1947 г. целью празднования в формулировке партийных органов было «почтить одну из многочисленных величественных побед нашей доблестной СА в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, а также демонстрация успешной борьбы трудящихся Харьковской области по восстановлению разрушенного нацистскими оккупантами хозяйства»; следовало встретить этот день развертыванием социалистического соревнования, выполнением сообразительств, комитеты партии должны были провести проверку их выполнения. Проводились лекции и беседы о восстановлении, встречи с участниками боев, ознакомление трудящихся с деятельностью большевистского подполья на Харьковщине во время оккупации. Галереи портретов лучших стахановцев устанавливались во всех областных и районных центрах партийными комитетами, согласно духу тогдашнего культа личности, не только главного «вождя народов», но и на всех уровнях. На всех предприятиях, колхозах, МТС должны были происходить торжественные собрания трудящихся. Происходили также и «народные гуляния», хотя и в послерабочее время [14. Оп. 2. Д. 1171. Л. 2–4]. Тематика лекций, предлагавшихся к этому дню, содержала наиболее общие темы, которые можно было освещать на общих для всего СССР основах, хотя и с местным колоритом; они были ориентированы не только на освещение событий времен войны, сколько определенных идеологем: «Партия Ленина-Сталина – организатор побед советского народа», «В братском содружестве СССР расцветает Советская Украина», «Почему победил Советский Союз в

Великой Отечественной войне?». В 1947 г. все еще оставались и более конкретные темы, связанные с темой оккупации: «Какой вред принесли немецко-фашистские мерзавцы народному хозяйству Украины», «Зверства немецко-фашистских бандитов на Украине и в частности на Харьковщине». Эта оккупационная тема была тесно связана также еще с одним блоком лекций, посвященных восстановлению: «Харьковщина в четвертой сталинской пятилетке», «Задачи восстановления сельского хозяйства», «Харьковщина за четыре года после освобождения», «Какой будет Советская Украина в конце новой пятилетки» и т.п. Соединение тем современных с темой оккупационных разрушений фактически было объяснительной стратегией: описание военных разрушений и нанесенного государству вреда (который полностью списывался именно на сторону оккупантов) служил объяснением того факта, что уровень жизни оставался чрезвычайно низким, а от населения требовались сверхусилия, особенно по восстановлению тяжелой и военной индустрии. Именно жестокость оккупационного режима, образ оккупации как только лишь сплошного разрушения (что замалчивало попытки восстановления хозяйства и коллаборацию значительной части населения), служила универсальным оправданием хозяйственных просчетов послевоенного руководства, голода, нещадной эксплуатации населения и ориентации восстановления на тяжелую промышленность, а не на рост жизненного уровня. Именно «благодарность» (причем лично Сталину и его руководству, а не «ветеранам», что стало более характерным в брежневский период) стала одной из основных риторических фигур, задающих модус отношений между населением и руководством государства, между отдельными «братскими народами» и т.д. Определение роли разных народов в войне было дано И. Сталиным в широкоизвестном тосте «за здоровье русского народа», произнесенном на приеме в Кремле в честь командующих войсками 24 мая 1945 г., где русский народ был назван «руководящим» народом, заслужившим всеобщее признание в войне, «наиболее выдающейся нацией среди всех наций, входящих в состав СССР» [19, с. 196]. Это выступление, широко цитируемое в сталинский период, стало подосновой признания руководящей роли русского народа в освобождении народов, оказавшихся под оккупацией, в том числе украинского (см. в т.ч. [19, с. 56]), что приводило в действие механизм публичных ритуалов по высказыванию благодарности «великому русскому народу» от всех остальных народов. Важную роль именно публичного высказывания благодарности в символическом пространстве советского общества, его цементирующую роль отмечает в своей работе Дж. Брукс [3].

Именно этот мотив благодарности в связи с ростом благосостояния советских людей стал одним из главных в позднесоветское время. К тому же окончательно установилась традиция, что именно руководители партийных и советских органов имеют право рассказывать как о разрушениях и преступлениях периода оккупации, так и о славных достижениях восстановления, что создавало впечатление, что именно руководящие лица «ведает чаяния и беды народа», являются истинными носителями знаний о прошлом, а также о будущем, заложенном в планах социалистического строительства.

Зная этот контекст, а также учитывая голод, разразившийся в 1946–1947 гг., сложно трактовать как развлекательные празднования 9 мая 1947 г., когда на концерте в Харькове был собран массовый хор на 6 тыс. (!) чел., в который кроме кружков художественной самодеятельности были привлечены студенты харьковских вузов. Всего в праздновании Дня Победы в Харькове приняли участие 30 драматических, 87 хоровых, 27 музыкальных и 19 хореографических групп и ансамблей, а по области, соответственно, 357 драматических, 687 хоровых, 35 музыкальных и 44 танцевальных коллективов [20. Оп. 1. Д. 42. Л. 103в]. Тут скорее можно говорить об организации чрезвычайно массовых и помпезных мероприятий для своеобразного разыгрывания ритуала власти, для адресованного высшему руководству подтверждения того, какой счастливой является жизнь «народных масс» в СССР.

В современных исследованиях распространенным является утверждение, что провозглашение дня Победы с 1948 г. обычным рабочим днем означало тенденцию нарастания замалчивания военной памяти, переход к более репрессивной политике касательно памяти о войне и касательно послевоенных ожиданий населения [см., в частности, 21]. Однако, сам факт отмены выходного дня можно объяснить скорее жесткой экономической политикой, которая диктовала максимальное использование трудовых

ресурсов. В том же году выходным днем стал праздник Нового года 1 января, и соответственно для компенсации этого нового выходного был провозглашен рабочим день 9 мая. По крайней мере на низовом уровне празднования, связанные с войной, сохранились и после 1947 г. Вряд ли можно однозначно трактовать объявление выходным днем 9 мая 1965 г. только как «начало» культа памяти о войне и ставку именно на нее в новой брежневской идеологической конструкции. Именно в 1965 г. выходным днем был провозглашен также день 8 марта, хотя вряд ли можно подозревать, что новое брежневское руководство делало на женщин какую-то особенную ставку в своей доктрине. С нашей точки зрения, речь идет также о вхождении СССР в эпоху общества потребления, для которого характерно значительное увеличение досуга, отдыха и праздников. Широкомасштабные празднования, связанные с чествованием памяти о Великой Отечественной войне, с одной стороны, были отображением стремления власти найти дополнительные идеологические инструменты самолегитимации, а с другой стороны – выступали как удовлетворение растущих потребностей «советских людей» в праздниках и развлечениях, дополнительном досуге в условиях возрастания доходов и свободного времени. Кроме того, дальнейшее наступление атеистической пропаганды имело последствием создание своеобразного советского варианта современной секулярной религиозности – культа «священной (Великой Отечественной) войны» с ее героями и мучениками. На местном уровне празднования, связанные с войной, сохранялись на протяжении всего послевоенного времени.

Так, в 1949 и 1950 гг. Харьковский горком партии к шестой и седьмой годовщине освобождения организовывал такие мероприятия, как экскурсии трудящихся на места боев и «самых выдающихся событий деятельности подпольных организаций во время немецкой оккупации», встречи с участниками борьбы за освобождение (которые должны были происходить на рабочих местах, то есть «без отрыва от производства»); в парке М. Горького и Т.Г. Шевченко следовало разместить портреты стахановцев, выдающихся ученых, лауреатов сталинской премии, а также героев-партизан и подпольщиков; к празднику следовало убрать возле могил и памятников и «украсить их цветами», а в день праздника провести там митинги (заметим, что в это время еще не было обязательной для позднесоветского времени традиции возлагания цветов именно от райкомов и обкомов партии, то есть украшение цветами представлялось как «народная» инициатива, а не ритуал благодарности от партии-продолжателя дела погибших героев).

Кроме этих мероприятий, которые все же отсылали к реальным событиям периода оккупации и к конкретным действующим лицам того времени, много «праздничных» мероприятий имели чисто мобилизационный характер и не отсылали к памяти вообще: доклады о развитии хозяйства, отчеты о выполнении соцобязательств, наглядная агитация о выполнении пятилетки и роли города в борьбе за урожай. Никуда не исчезли в конце 1940-х – в начале 1950-х гг. также и народные гуляния с выступлениями художественной самодеятельности и физкультурников, проводились детские праздники на детских площадках и в парках [20. Оп. 5. Д. 25. Л. 124–125; Д. 27. Л. 106–107; Д. 71. Л. 82–84].

Результаты. Как видим, в это время празднования имели целью скорее пробуждение трудового энтузиазма, мобилизованности, и фактически не напоминали о конкретных событиях периода войны. Скорее наоборот, обобщенные идеологические тексты лекций и выступлений способствовали скорее забвению конкретных событий, выводили опыт на уровень обобщения, отсылали к коллективному. В это время мы не встречаем практики представления именно индивидуального опыта отдельных очевидцев или участников событий в публичном пространстве, наоборот, лекторы и докладчики (даже если они имели личный опыт участия в войне) были обязаны излагать наиболее обобщенный материал, воспроизводить картину массовых событий; кроме того, в сталинское время было гораздо безопаснее не вдаваться в подробности личного опыта, но руководствоваться официально одобренными текстами и цитатами (что выразительно видно также на примерах музейных экспозиций, радиопередач, художественных произведений; об этой особенности сталинского времени также см. [22; 23]). Обстановка «ждановщины» с 1946 г. только способствовала избеганию воспоминаний.

Фактически, особенно с начала 1950-х гг. сталинская политика памяти о войне была скорее политикой забвения, представляя публично в основном только наиболее обобщенные утверждения, унифицируя память в стандартных материальных формах, а

также культивируя ориентацию на будущее, а не на прошлое. Таким образом, война и оккупация служили скорее точкой отсчета, определенным «временем 0», от которого начиналось новое славное будущее. Коммеморации войны в ритуализированных формах способствовали «погребению» прошлого. Общий их тон был скорее сдержанным и не способствовал пробуждению эмоций, ведь переживания все еще были слишком сильными и травматичными. Ориентация на будущее, на построение коммунизма как в сталинское, так и в хрущевское время отображала стремление режима к преобразованию реальности, мощную направленность на будущее развитие, в отличие от брежневского времени, для которого культ войны был уже ориентацией на прошлое, на бесконечное прославление уже достигнутого, когда «самый выдающийся подвиг советского народа» уже оставался в прошлом. И отчасти это объясняет кризис и крах режима, его стагнацию, ведь советская идеология утратила свою активную преобразовательную направленность.

Праздничные речи руководителей, составлявшие неотъемлемую часть празднований, собраний трудящихся, обязательно представляли оккупацию исключительно как полную деструкцию. Распространенной стала публикация в газетах [17; 18] фото разрушений периода оккупации (часто и вызванные отступающей советской армией или боевыми действиями вообще) и фото тех же объектов уже после восстановления. Представление оккупации исключительно как деструкции, в рамках которой невозможно было видение повседневности, имела целью среди прочего отрицание самой возможности существования Харькова как города вне советского контекста. Не случайно многочисленные стихотворения и другие литературные произведения о Харькове в послевоенной прессе [17; 18] и радиопередачах [16] часто поддерживали незначительность до-советского периода развития города и соответственное величие социалистического строительства. Точно так же послевоенная реконструкция должна была означать новое создание городской идентичности Харькова, который под оккупацией был отброшен на примитивную стадию существования. Именно такую тесную связь идентичности Харькова как собственно города и его советскости должны были среди прочего воплощать коммеморации военных побед.

Очевидна также тесная связь политики памяти о войне в эти годы с культом личности И. Сталина, который представлялся как «руководитель побед» и тот, кто полностью контролировал ход происходящего. Именно книга Сталина, а фактически сборник речей и указов «О Великой Отечественной войне Советского Союза», заложила основы видения всего хода войны и источников победы над нацизмом на весь советский период [19]. В том числе и поэтому тематика оккупации была несколько проблемной, ведь в рамках освещения этой темы основным актором не могла быть компартия и ее вождь. Именно тесная связь культа Сталина и военной памяти обусловила тот факт, что первые годы после его смерти статус празднования Дня победы был несколько неопределенным, ни в газетах, ни на радио не было отведено существенного места этой теме; особенно выразительно это проявилось 9 мая 1955 г., фактически в преддверии развенчания культа личности [12, с. 119–121].

Заключение. Таким образом, официальная советская политика памяти о войне и оккупации в первое послевоенное десятилетие радикально отличалась от позднесоветского времени, когда память о войне стала ассоциироваться прежде всего с чествованием ветеранов, а также практиками семейного отдыха, межпоколенной коммуникации, и представления в публичном пространстве личного опыта переживших войну. В сталинский период связанные с войной коммеморации способствовали прежде всего реинтеграции постоккупационного общества на основах сталинской политической культуры с ее риторикой «благодарности», а также реконструкции городской идентичности Харькова как советского города.

Примечания:

1. Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
2. Binns Ch. A. P. *The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part II//Man. New Series. 1980. Vol. 15. № 1 (March). Pp. 170–187.*
3. Brooks J. *Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War.* Princeton: Princeton University Press, 1999. 344 p.

4. Lane C. Legitimacy and Power in the Soviet Union Through Socialist Ritual / C. Lane //British Journal of Political Science. 1984. Vol. 14. № 2. Pp. 207-217.
5. Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society – the Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 320 p.
6. Petrone K. “Life has become more joyous, comrades”. Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 280 p.
7. Riley M. Stolen Victories: Evaluating the War Cult in Soviet Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://ouhj.gileadbroad.com/uploads/Riley-Stolen-Victories.pdf> (дата обращения 3.02.2013).
8. Ashplant T.G. The Politics of War Memory and Commemoration: Contexts, Structures, and Dynamics/T.G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper//The Politics of War Memory and Commemoration/Ed. by T.G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. London: Taylor and Francis, 2000. Pp. 3–86.
9. Kertzer D. Ritual, Politics and Power. Yale: Yale University Press, 1988. 235 p.
10. Tumarkin N. The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of WWII in Russia. New York: Basic Books, 1994. 264 p.
11. Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 432 p.
12. Андреев Д. Пространство памяти: Великая Победа и власть/Д. Андреев, Г. Бордюгов//60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (Москва, сентябрь 2005) / Ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М., 2005. С. 113-146.
13. Антощенко В. Создание монументальной основы ритуализации празднования Победы в Великой Отечественной войне в г. Петрозаводске [Электронный ресурс]. URL: [// www.petrso.ru/Faculties/History/Lab_visual/CMO.doc](http://www.petrso.ru/Faculties/History/Lab_visual/CMO.doc) (дата обращения: 20.04.2013).
14. Державний архів Харківської області. Ф. П-2 – Харьковский областной комитет Коммунистической партии Украины.
15. Державний архів Харківської області. Ф. П-69 – Харьковский городской комитет Коммунистической партии Украины.
16. Державний архів Харківської області. Ф. Р-5767 – Харьковский областной комитет по вопросам радиовещания при Харьковском облисполкоме.
17. Красное знамя. Орган Харьковского областного комитета КПУ.
18. Соціалістична Харківщина. Орган Харківського обласного комітету Комуністичної партії України та Харківської обласної ради народних депутатів трудящих.
19. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1950. 110 с.
20. Державний архів Харківської області. Ф. Р-5775 – Харьковский областной дом народного творчества.
21. Портнов А. «Велика Вітчизняна війна» в політиках пам'яті Білорусі, Молдови та України: Кілька порівняльних спостережень//Україна Модерна. 2010. Вып. 4 (15): Пам'ять як поле змагань. С. 206–218.
22. Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛО, 2002. 384 с.
23. Добренко Е. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический навратив. М.: НЛО, 2008. 424 с.

УДК 94(477.54)«1943/1953»:[355.48:341.324]

**Праздничные коммеморации как составляющая официальной
советской политики памяти о нацистской оккупации
(на материалах Харьковской области), 1943–1953 гг.**

Ирина Евгеньевна Склокина

Центр украинских студий им. Д.И.Багалей Харьковского национального университета им.
В.Н. Каразина, Украина

61124, Украина, Харьков, ул. Грозненская, 54, кв. 71
Сотрудник
E-mail: orysia2011@gmail.com

Аннотация. Представление темы оккупации в публичном пространстве в советское время служило подчеркиванию успехов восстановления хозяйства и мобилизации населения на новые достижения. Специфическая подача темы оккупации неразрывно связывала городскую идентичность Харькова и его советскость, а ритуалы празднований руководствовались прежде всего риторикой благодарности населения за освобождение, что способствовало реинтеграции послевоенного общества на сновах сталинской политической культуры. Несмотря на то, что после 1948 г. не было связанных с памятью о войне выходных дней, коммеморации, связанные с войной, на локальном уровне сохранялись на протяжении всего послевоенного периода, так как были связаны не столько с отдыхом и развлечениями, сколько с мобилизацией и пропагандой.

Ключевые слова: советская политика памяти; коммеморации; Харьковская область; сталинская политическая культура.

UDC 93/94

Topical Issues of Estimation and the Possibility to Study Historical and Cultural Heritage of Sochi Winter Olympic Games 2014

¹Ol'ga V. Gzhibovskaya²Elena N. Murzanaeva¹Sochi State University, Russia
PhD (History)²Sochi State University, Russia
PhD (History)

Abstract. After the XXII Winter Olympic and XI Winter Paralympic Games in February and March 2014, the Games heritage will be monitored over a number of years. The material and intangible heritage of the Olympic Games, the nature of change in the sector of employment, tourism, economic development of the region, standard of living of the population, environment, etc. will be monitored. Today's problems of the Olympic heritage estimation are the point of dispute. This paper actualizes this problem.

Keywords: Sochi XXII Winter Olympic Games 2014; material and intangible heritage of the Olympic Games; methods and criteria of heritage estimation; historiography.

Введение. Меньше года осталось до начала XXII Зимних Олимпийских Игр в Сочи 2014 года. В 2005 г., как известно, стартовал процесс создания заявочной книги, содержащей в себе исчерпывающую концепцию спортивного праздника и «бренда Сочи-2014». В 2007 г., выдержав острую конкуренцию, город Сочи был объявлен победителем, т.е. получил право проведения XXII Зимних Олимпийских и XI Паралимпийских Игр. Все это время город готовится принять участников и гостей этого международного события: ведется строительство олимпийских объектов, идет развитие инфраструктуры, чуть менее интенсивны усилия организаторов в части культурно-просветительской, социальной, экологической деятельности. Являясь одним из крупнейших событий в мире, Олимпийские игры могут послужить катализатором перемен принимающей стороны. После Игр, в городе будет продолжаться строительство и перестройка объектов, развитие инфраструктуры курорта. В общей сложности, почти 20 лет жизни города занимает «эпоха Олимпиады». После завершения программы Игр, в феврале и марте 2014 г. – на протяжении двух лет по правилам МОК будет осуществляться Мониторинг наследия. При этом, известно, что Олимпийское наследие проявляется далеко не сразу, особенно это актуально в отношении нематериального наследия Игр. Проблеме актуальности оценки Олимпийского наследия будет посвящена эта статья.

Обсуждение. Во время подготовки к Играм проводится постоянный мониторинг: оценивается степень готовности спортивных объектов, средств размещения, уровень готовности инфраструктуры города. Различного формата оценки, отчеты, доклады о влиянии Игр, проводимые исследования подготавливаемые городами, как правило, предоставляют «доказательства» в соответствии с конкретными целями, например, в обоснование необходимости проведения Игр, либо стремление компенсировать негативные моменты восприятия города сразу после завершения спортивного мероприятия. Оценки уровня развития города после Игр, о потенциальных способностях будущей олимпийской столицы, события, которые звучат в Заявочных книгах, как правило, завышены. Во время подготовки к Играм занижаются оперативные данные расходов на строительство, сведения о готовности жителей города и позитивного настроения на встречу гостей. Официальные отчеты [1], публикуемые после Олимпиады, позволяют лишь отчасти правильно оценить политические и экономические цели, преследуемые оргкомитетом Игр, городом и страной в целом.

Многие элементы Олимпийского наследия проявляются много позже, но не всегда фиксируются в официальных отчетах и информационных листах [1], становятся предметом специального научного исследования. Особенно актуально это обстоятельство для

нематериального наследия, которое не столь очевидно, как материальное достояние. Ввиду этого, получение научно-значимых данных в области изучения Олимпийского наследия и его историко-культурной составляющей, весьма актуально. Изучение наследия одного имеет не только научный, но и прикладной характер. Полученные в ходе исследования данные являются тем опытом, на основании которого может строиться подготовка к следующим Олимпиадам, формируется научный взгляд на проблему олимпизма, создает «рейтинг» привлекательности города-курорта.

Оценка Олимпийского наследия - сложная многоуровневая, с позиции решения задач, проблема. На ее решение направлено множество структур, организаций, научно-исследовательских институтов. В Олимпийской Хартии отмечено, что деятельность МОК должна «п. 14 содействовать получению позитивного наследия от Олимпийских игр городами и странами, организующими Олимпийские игры» [4]. Специальная комиссия при МОК [1], Оргкомитетах Игр, отечественные и зарубежные научные коллективы на условия грантов будут оценивать Олимпийское наследие Сочи 2014. Изучение наследия Игр (Olympic Games Impact (OGI)) планируется по ста одиннадцати (111) показателям. Задачей официальных структур часто является создание положительного образа Игр, негативные стороны влияния Олимпиад ретушируются. Мониторинг чаще всего проводится лицами, не проживающими в городе, не знающими самых актуальных проблем жизни жителей и гостей в процессе подготовки и проведения Игр. В этой связи, представляется важным альтернативный взгляд «изнутри», когда «фиксатором» и «оценщиком» социальных и культурных процессов является представитель оцениваемого «социума». Мониторинг наследия, на его разных его этапах, как научная проблема, способствует расширению осведомленности о процессах, происходящих внутри Олимпийской столицы. Это позволяет «вывести» сведения об организации и проведения Игр за рамки сообщений официальных политической элиты, способствует объективизации потока информации.

Игры являются постоянно продолжающимся событием. Каждые последующие города-кандидаты, выполняя рекомендации МОК, изучают опыт предшественников используя IOC's Olympic Games Knowledge Management (OGKM) platform [1]. Задача ученых также состоит в аккумулировании, исследовании и анализе опыта предшествующих спортивных праздников, степени их влияния на жизнь города, края, страны.

Сразу после окончания Олимпийских и Паралимпийских Игр, наш город вступит в этап – сохранения и преумножения наследия, составляющего достояние города, края, страны. Некоторые изменения видны в городе еще до начала Игр, некоторые элементы наследия проявляются спустя некоторое время после окончания Олимпиады. Зафиксировать этот важный этап развития, запечатлеть в истории момент начала нового этапа – важная задача. Не менее важным может быть осуществление проекта такого мониторинга на протяжении 10–25 лет.

В истории олимпизма принято выделять категории Олимпийского наследия спортивных, социальных, экологических, экономических, городских и культурных достижений, выраженных в материальной или нематериальной форме [2, р. 5-6]. Материальное олимпийское наследие может включать новые спортивные объекты, транспортную инфраструктуру, элементы городской регенерации. [2] Все это повышает, как например, в Ванкувере, или понижает, как в Монреале, уровень жизни местных жителей. Нематериальное наследие, хотя и так очевидно (*de visu*), но не менее важно для жителей олимпийской столицы – это повышение чувства национальной гордости и патриотических настроений, возрождение и развитие национальной и урбанистической культуры, повышение социальной активности, в том числе в рамках волонтерского движения, экологическая ответственность, привлекательность «образа», «бренда» олимпийского города; ощущение благополучия и здоровья населения; управленческий, образовательный и кадровый потенциал и др.

Проблемы методов оценки наследия и их реализации в практике научных исследований довольно широко обсуждаются на различного рода конференциях, изучается отдельными учеными с мировыми именами [3]. От точности критериев оценки, во многом зависят результаты исследований на конкретном материале. Наиболее разработанным считается сегмент оценивания экономических «последствий» Олимпиады. Здесь речь идет об экономических измерениях, связанных с расходной и доходной частью (чистый доход,

бухгалтерская прибыль, сроки окупаемости объектов и др.), изучение количественных показателей продаж билетов, прав на телевизионную трансляцию, степень вложения средств спонсоров и финальные отчеты кампаний – спонсоров. Вполне точно могут оцениваться показатели инвестиционной деятельности, количество гостей города – как следствие – развития туристической сферы, создание рабочих мест, их наличие в разных сегментах рынка труда после окончания Игр, а также материальные затраты на развитие инфраструктуры города. Последний из указанных факторов оценивается в заданном историческом промежутке с учетом факторов амортизации дорог, инженерных сетей, магистралей водопроводов и электричества и прочее. Более затратными с точки зрения приложения интеллектуальных усилий являются измерения экологического состояния города, которое строится на сопоставлении данных: «до», «во время подготовки» и «после проведения Игр». Намного сложнее с методологических позиций оценить элементы нематериального наследия, количественных методов здесь не достаточно, хотя их применение, безусловно, целесообразно. Методы исследования и подходы должны строиться на базовых основах и достижениях современной социогуманитаристики, например, должны включать в себя социологический, исторический, философский и культурологический инструментарий. Необходимо использование методов социологического и социометрического анализа, выделение и изучение мнений и настроений «фокусных» групп с описанием полученных в результате опросов данных. Антропологические методы также используются для изучения культурного воздействия Олимпийских Игр.

Международный опыт исследования олимпийского наследия довольно объемный. Многие ученые сотрудничают с МОК, последний, в свою очередь, способствует расширению читательского и научного интереса к проблемам Олимпийского и Паралимпийского движения через тиражирование данных научных исследований через СМИ, научные журналы и электронные документы [6].

Проводником знаний по олимпийской тематике является «Центр Олимпийских исследований», находящийся в Лозанне. В рамках сотрудничества с Центром, за последние 10 лет, предметом исследования стали самые различные аспекты современного олимпизма: проблемы искусства, культурные традиции на Олимпийских Играх, Культурные Олимпиады (B.Garcia, N. Stevenson, M. de Morgas, J.Macaloon, M. Llines, I.Pappalero); Олимпийские Игры и проблемы развития регионов, городов-кандидатов (T.Diaey, J.Dufourg, C.R.Torres, R. D. Oliver); экономические аспекты олимпийского наследия, маркетинг Олимпийских Игр (E. Kasimati, I.Pappalero, C.R.Torres, X.Yang); гендерные проблемы: женщины в Олимпийском движении (I.P.Henry, A.M. Miragaya); история и историческое наследие (A. Denning, G.-L. Loew, T.Rider, M.Reinold, S.Wassong, S. Adami, B.Leopkey, R.Field, K.Henne, Y.Grosset); Олимпийские Игры в контексте международных исследований (T.Rider, U.Tulli, V.Kidd, P.Charitas, Ph.Nongogo, R.Field); Олимпийские Игры и СМИ (C.R.Torres, F.Papa, Q.Luo, V.Garcia, E.Fernandez Pena); управление Олимпийским наследием, Игры и системы государственного и муниципального управления (B.Garcia, K.Kaplanidou, K.Toohy. N.Stevenson, I.P.Henry, M. de Morgas, E.Kassens, B.Kidd, V.Leopkey, L.Minnaert); Олимпийское движение в целом (A.Denning, T.Rider, M.Reinolg, S.Wassong, K.Toohy, H.Ren, N.Chamerois) и Олимпизм (S.Wassong, G.Doll-Tepper, A. R. Reppold Filho, C.R.Torres); социологические аспекты Игр, влияние на общественное развитие (K.Toohy, K.Kaplanidou, J.Luo, F.Papa, V.Kidd, L.Minnaert); материальное наследие: архитектура и градостроительство (S.Tzanodaki, H.Shirai, E.Kassens). Конечно, это далеко не полный перечень направлений исследований, реализуемых в рамках деятельности Центра. Множество научных статей посвящено анализу истории Олимпиад от Древней Греции до современности [3].

Одним из «инструментов» изучения Олимпийского наследия является деятельность научных сообществ, например Международного общества олимпийских историков, образованного в 1991 году. Целью объединения являлось и является создание союза специалистов и любителей, изучающих проблемы Олимпийского и Паралимпийского движения начиная с эпохи античности, до современности. Общество олимпийских историков более 20 лет издает научный журнал *Journal of Olympic History* (с открытой подпиской), ежегодно принимает десятки историков. Ежегодно осуществляется премирование историков по 5 номинациям: «стипендия аспирантам на проведения

научного исследования по истории Олимпийских Игр»; «приз за лучшую монографию по олимпийскому движению и олимпийской истории опубликованы в предыдущем году»; награда «за лучшую статью по олимпийской истории и олимпийского движения опубликованы в предыдущем году»; «приз за лучшую статью, опубликованную в журнале олимпийской истории в течение предыдущего года»; награда «за дело всей жизни Олимпийского историка» [5].

В число представителей российской науки, являющейся участниками данного проекта, входят такие исследователи как В.У. Агеевец, О. Воронцов (с 1995), Г.С. Деметр, Л.Б. Кофман, А.А. Козловский (2003), А.В. Кыласов, Н.Б. Мельникова, О.А. Мильштейн, А.Б. Ратнер (2003), В.С. Родиченко Ю.Симакова, А. Столбов, В.И. Столяров, В.Л. Штейнбах (2003), А.Б. Суник, Ю.М. Чернецкий и др. Данные научных проектов, выполняемые международным сообществом ученых публикуются через RERO.doc платформу в сети Интернет. Эта платформа признается многими цифровыми библиотеками, содержание которых ссылается научную документацию поисковых систем международного уровня Google Scholar OAIster.

Тема Олимпийских Игр в российской историографии имеет тенденцию актуализироваться в преддверии подготовки того или иного города к Олимпиаде. В нашем случае мы можем говорить о появлении большого числа работ, как во время подготовки Олимпиады 1980 года, так и о расширении интереса к теме в период подготовки Олимпиады в Сочи 2014 года. За последние 20 лет, по данным каталога Российской государственной библиотеки, по темам, близким к истории Олимпийских Игр, был принято к защите свыше 40 диссертационных исследований. Из них: на соискание степени кандидата (доктора) педагогических наук – защищено подавляющее большинство (около 20 работ), остальные работы распределяются на кандидатские и докторские диссертации между историками, культурологами, филологами, экономистами, юристами и политологами.

«Спортивные» и «педагогические» исследования выполняются специалистами разного уровня, практикующими спортивными тренерами, спортсменами, педагогами. Исследования по педагогике можно разделить условно на три тематические группы. В первую группу можно включить входят диссертации, в которых речь идет о принципах олимпийского воспитания молодежи или истории педагогики (Антипова, М.В. Прокопчук, Ю.А. Нестеров, П.В.); во вторую группу – диссертационные работы, посвященные проблемам спортивной подготовки (Черевач, И.В., Казиков, И.Б.); третью группу составляют узкопрофессиональные спортивные исследования, по отдельным проблемам Олимпийского спорта и движения (Захаров, М.А.). Некоторые диссертации принадлежат известным тренерам и спортсменам, участникам Олимпийских Игр. Так в 2010 году была защищена работа знаменитой спортсменки Елены Исинбаевой на соискание степени кандидата педагогических наук («Концептуальная модель эволюции современных Олимпийских игр» (2010, Волгоград. 13.00.04.)).

Исследования по проблеме Игр в Сочи 2014 года стали появляться почти сразу, после того, как в 2007 году город был выбран в качестве столицы очередных Игр. Защиты диссертаций состоялись в самые короткие по научным меркам сроки, т.е. через 2 года после объявления Сочи столицей Олимпийских игр. В 2009 году была защищена 1 работа (Рухадзе А.М.) на базе Российской академии образования на степень кандидата экономических наук (08.00.05). В 2010 году принято к защите и присвоены степени кандидатов наук по специальностям 05.00.30 (Зиновьева Н.А.), 08.00.05 (Торосян В.Г.), 05.23.22 (Солнцев Е.А.), 05.13.01 (Газитуллин А.Р.) 4 диссертации. В 2011 году было выполнено 2 работы, авторы: Албегова Д.М. по специальности 12.00.03 и Пермякова Н.И. на степень кандидата педагогических наук. В 2012 году защищена 1 работа Бутт С.В. кандидата географических наук : 25.00.24 [7]

Оценка Олимпийского Сочи по факту уже осуществляется. Представители местного самоуправления, Оргкомитета Сочи-2014, исполнительной власти очерчивают круг того наследия, которое мы планируем получить после Игр. В числе главных элементов материального наследия называют: развитие Красной поляны как общеизвестного мирового курорта, развитие инфраструктуры города, которая позволит сделать город круглогодичным курортом [8], Олимпийский Парк со спортивными объектами, которые, предположительно, будут функционально использоваться после Игр [9]; новые средства защиты окружающей

среды (очистные сооружения); Нематериальное наследие маркируется «в общих чертах»: волонтерское движение, опыт проведения масштабных мероприятий, «новая социальная среда», 560 000 рабочих мест; безбарьерная среда для людей с инвалидностью [10], повышение качества сервиса, в том числе медицинского и транспортного обслуживания. Тем не мене, объективно оценивать все наследие сочинской олимпиады предстоит еще много лет.

Примечания:

1. Фактический перечень (список достижений) Олимпийского наследия Игр летних Олимпиад 1992-2008 г. и Зимних Олимпийских Игр 1992-2010 г. // FACTSHEET LEGACIES OF THE GAMES // Сайт Олимпийского комитета. http://www.olympic.org/documents/reference_documents_factsheets/legacy.pdf
2. What is Olympic legacy? IOC / Published by the International Olympic Committee – March 2013. All rights reserved // http://www.olympic.org/documents/olympism_in_action/legacy/2013_booklet_legacy.pdf
3. Перечень статей, опубликованных под эгидой Центра Олимпийских исследований // Сайт Центра Олимпийских исследований. Режим доступа: <http://www.olympic.org/olympic-studies-centrer>
4. Олимпийская Хартия в редакции от 8 июля 2011 года. Перевод на русский язык // Сайт Олимпийского комитета РФ (НОК). Режим доступа: olympic.ru/upload/documents/about.../olympiccharter2011.doc
5. Общество Олимпийских историков. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.iso.org/>
6. Перечень журналов и их сайтов, занимающихся проблемами олимпизма // Режим доступа к файлу: http://www.olympic.org/Assets/OSC%20Section/pdf/LRes_25E.pdf
7. Российская государственная библиотека. Каталог // Официальный сайт РГБ. Режим доступа: <http://rsl.ru/>
8. Sochi 2014's mountain venues set to provide lasting legacy // Сайт МОК. Режим доступа: <http://www.olympic.org/news/sochi-2014-s-mountain-venues-set-to-provide-lasting-legacy/189314>
9. Sochi set to enjoy long-term benefits of new Olympic Park // Сайт МОК. Режим доступа: <http://www.olympic.org/news/sochi-set-to-enjoy-long-term-benefits-of-new-olympic-park/189560>
10. Sochi 2014: A lasting resort // Сайт МОК. Режим доступа: <http://www.olympic.org/news/sochi-2014-a-lasting-resort/195986>

УДК 93/94

Актуальные вопросы оценки и возможности изучения историко-культурного наследия Олимпийских Игр в Сочи 2014 года

¹ Ольга Вячеславовна Гжибовская

² Елена Николаевна Мурзанаева

¹ Сочинский государственный университет, Россия

Кандидат исторических наук, доцент

² Сочинский государственный университет, Россия

Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. После завершения XXII Зимних Олимпийских и XI Зимних Паралимпийских Игр, в феврале и марте 2014 г. – на протяжении многих лет будет осуществляться Мониторинг наследия Игр. Предметом мониторинга станет материальное и нематериальное наследие Олимпиады, характер изменений в сфере занятости, туризма, экономического развития региона, уровень благосостояния граждан, экология и др. Проблемы оценки олимпийского наследия, на сегодняшний день, являются предметом дискуссии, актуализации которой и посвящена эта статья.

Ключевые слова: XXII Зимние Олимпийские Игры в Сочи 2014 года; материальное и нематериальное наследие Олимпийских Игр; методы и критерии оценки наследия; историография.

UDC 93

UN Activity at the New Historical Stage: Termination of Confrontation between Two Superpowers

Valeriya V. Shaparenko

Sochi State University, Russia
PhD (History)

Abstract. The article analyses the reasons of actual inaction of UN in arrangement of international conflicts after the 'Cold War' termination, the stages of UN operation in early 90s of the XX century. The UN Charter as a major legal regulator of states' responsibility for international security violation is considered.

Keywords: UN Charter; 'Cold War' termination; international security; UN restructuring.

Введение. ООН по-прежнему остаётся важнейшей дискуссионной площадкой, формирующей основы сотрудничества и взаимодействия в мире после того как завершилось многолетнее противостояние двух сверхдержав в период «холодной войны». Роль ООН в формировании новой глобальной системы безопасности, стабильности и развития нельзя недооценивать. На наш взгляд, она ключевая.

ООН в своей правовой деятельности регулирующей нарушения в сфере безопасности между государствами опирается на Устав, принятый в 1945 году. Устав ООН в своём тексте содержит не только принципы, но и реальные механизмы воспроизводства коллективной безопасности, которые закреплены в статье 2 п. 2; статье 7 п.1; статье 12 п. 1; статье 23–25, 27, и главе седьмой [1]. В указанных разделах Устав ООН закрепляет «временные, превентивные и принудительные меры», которые реализуются Советом Безопасности ООН с целью восстановления или поддержания международного правопорядка.

Статья 24 Устава ООН [2] указывает на то, что ответственность за поддержание мирового правопорядка возлагается на Совет Безопасности ООН, упреждая его в принятии решений (резолюций и санкций) поддерживающих международную безопасность.

Только Совет Безопасности ООН может выносить решения о проведении операций с применением Вооружённых Сил ООН, выносить решения об их создании, ставить перед ними задачи, определять состав и численность, структуру их командования, сроки пребывания в районах операций, руководство операциями и порядок их финансирования.

Кофи Аннан отмечал, что с окончанием «холодной войны» операции ООН по поддержанию мира неизмеримо расширились и качественно усложнились. Одна из таких качественно новых ситуаций сложилась в Сомали. Большинство исследователей отмечают особенности этого конфликта и подчеркивают, что события в Сомали поставили перед ООН сложные проблемы, которые нельзя было урегулировать обычными методами. Организация оказалась перед фактом, отсутствия возможностей остановить насилие внутри государства. При этом региональная Организация Африканского Единства не смогла разрешить проблему и обратилась к Совету Безопасности ООН [3].

Несмотря на интенсивные усилия, ООН не удалось создать условия для участия конфликтующих сторон в соглашении о прекращении огня и переговорах, а традиционные силы по поддержанию мира оказались не в состоянии контролировать хаотическую обстановку, в которой гуманитарная помощь подвергалась разграблению и не способствовала прекращению насилия, а наоборот, способствовала его продолжению.

С согласия противоборствующих группировок Мухаммеда Фараха Айдида и Али Махди 24 апреля 1992 г. Совет Безопасности принял резолюцию 751 о проведении операции ООН в Сомали по примирению конфликтующих сторон и организации немедленной гуманитарной помощи. В этой резолюции Совет Безопасности предусмотрел направление в Сомали 50 наблюдателей ООН для контроля соблюдения соглашения о прекращении огня и учредил под общим руководством специального представителя Генерального Секретаря Силы охраны ООН (UNOSOM-I). При этом Совет призвал к полному соблюдению требований безопасности и охраны персонала гуманитарных организаций и обеспечении им свободы

передвижения в Могадишо и по всей Сомали [4]. Началось осуществление программы срочной помощи продовольствием по линии Всемирной продовольственной программы, Международного Комитета Красного Креста, ЮНИСЕФ, ВОЗ и других международных организаций.

В связи с продолжающимися вооруженными столкновениями и нападениями на гуманитарную помощь Совет Безопасности принял 27 июля 1992 г. резолюцию 775 о срочном развертывании Операции ООН в Сомали и доведении ее численности до 4219 человек [5].

Первый персонал группы безопасности ООН в Сомали прибыл на место только 14 сентября 1992 г. В ответ на ухудшение обстановки в Сомали после президентских выборов новый президент США Б. Клинтон предложил направить в Сомали американские войска, а другим желающим странам присоединиться к американским силам. Совет Безопасности "легализировал" действия США и принял 3 декабря 1992 г. резолюцию 794, в которой отметил уникальность положения в Сомали и его обостряющийся, сложный и экстраординарный характер, требующий немедленной и исключительной реакции и признал, «что масштабы, вызванные конфликтом в Сомали, человеческой трагедии, еще более усугубляемой препятствиями, которые создаются на пути распределения гуманитарной помощи, представляют собой угрозу для международного мира и безопасности» [6].

Совет Безопасности в этой резолюции приветствовал предложение США о проведении войсковой операции в Сомали и уполномочил Генерального Секретаря и государства-члены, участвующих в этой операции, действуя на основании главы VII Устава «использовать все необходимые средства, чтобы в кратчайшие возможные сроки создать безопасные условия для операций по оказанию гуманитарной помощи в Сомали» [7]. Этой же резолюцией координировалось командование американскими военачальниками всех действий в Сомали.

Таким образом, Совет Безопасности санкционировал применение силы для решения внутригосударственного конфликта. Резолюция 794 Совета Безопасности является уникальной, т. к. в ней впервые было предусмотрено применение силы для защиты гуманитарной помощи.

Соединенные Штаты уведомили Генерального Секретаря ООН, что в случае получения разрешения Совета Безопасности на применение вооруженной силы для обеспечения гуманитарной помощи они готовы направить в Совет значительный контингент своих войск. 9 декабря 1992 г. США направили свои войска в Сомали, а потом Совет Безопасности принял решение о создании международных вооруженных сил из контингентов 20 государств в составе 30 тысяч человек, из которых 28 тысяч человек составляли американцы.

Международные силы установили контроль над Могадишо и другими городами Сомали и обеспечили осуществление гуманитарной помощи. Однако вооруженные столкновения с различными сомалийскими группировками привели к значительным потерям среди американских солдат, что обусловило решение президента Клинтона о выводе войск США из Сомали. Поэтому 4 мая 1993 г. Совет Безопасности принял решение о проведении новой операции по поддержанию мира в Сомали (UNOSOM-II), по которой после вывода американцев миссию продолжали международные войска. После нападения вооруженной сомалийской группировки в Могадишо 5 июля 1993 г. на пакистанский контингент, в результате которого были убиты 23 миротворца, Совет Безопасности увеличил контингент миротворческих сил до 28 тысяч и определил их новый мандат, разрешив применять силу в случае необходимости. Кроме защиты гуманитарной помощи и примирения конфликтующих сторон международные силы получили задание разоружить все сомалийские вооруженные группировки и установить порядок в Сомали, применяя методы наказания нарушителей мира [8].

Силы ООН выполнили свой мандат и, строго придерживаясь принципов нейтральности, не выступали на стороне какой-либо группировки и подавляли акты бандитизма и обеспечивали гуманитарную помощь, поддерживали порядок до создания законного правительства. В соответствии с этим в конце концов 15 сомалийским группировкам удалось создать Переходный Национальный Совет, который должен сформировать национальное правительство. ООН занималась также проблемой

возвращения беженцев, из которых 300 тысяч вернулись на родину, и созданием местного самоуправления в одной из частей страны [9].

Как видно из развития событий в Сомали, перед ООН возникли сложные проблемы применения силы, выходящие за пределы Устава ООН.

По сути неспособность к урегулированию внутренних конфликтов, имеющих тенденцию перерасти в международные показали действия ООН в Руанде.

Длительный конфликт в Руанде возникший на национальной и социально – экономической почве был временно завершён подписанием мирного договора между Руандийским Патриотическим Фронтом и правительством Руанды в Аруши 4 августа 1993 г., где предусматривалось проведение свободных выборов президента создание переходного правительства национального согласия под контролем ООН, возвращение беженцев и создание коалиции вооружённых сил противоборствующих сторон.

Участники гражданского конфликта обратились к ООН с просьбой провести операцию по установлению мира в Руанде. 5 октября 1993 г. Совет Безопасности учредил Миссию ООН по оказанию гуманитарной помощи Руанде (МООНПР), принял резолюцию об операции по поддержанию мира [10].

В связи с продолжением мирного процесса Совет Безопасности [11] 6 января 1994 г. подтвердил решение о развертывании операции по поддержанию мира в Руанде и рекомендовал как можно скорее создать переходное правительство. «5 января 1994 г. Ж.Хабьяримана, в отсутствие представителей РПФ, принёс присягу в качестве «переходного» президента и председателя правительства, но ни правительство, ни переходный парламент не могли осуществлять свою деятельность в ситуации хаоса и политической неопределённости» [12]. ООН и Совет Безопасности в своём докладе, были обеспокоены ситуацией сложившейся в государстве, и 5 апреля 1994 г. продолжили осуществление операции по поддержанию мира до 29 июля 1994 г. [13]

События вышли из под контроля. Толчком послужила авиакатастрофа. «6 апреля 1994 г. недалеко от Кигали был сбит президентский самолёт. Существуют прямо противоположные версии причин гибели президента Ж. Хабьяриманы. Официальная (нынешней власти): самолёт с президентом-хуту сбили экстремисты из числа самих хуту, выступавших против переговоров с повстанцами-тутси» [14]. Гибель президента Ж. Хабьяриманы стала катализатором нового витка гражданской войны, приведшего к геноциду.

По всей стране поднялась волна насилия на этнической и политической почве. В течение трех недель погибло более 200 тысяч человек, 13 % населения страны (900 тысяч человек), спасаясь от разгула насилия, бежали со своих мест проживания и оказались в лагерях для перемещенных лиц на грани гибели от голода и болезней. 10 бельгийских солдат из контингента ООН были убиты в один день и Бельгия приняла решение о выводе своего батальона из Руанды.

В сложившейся ситуации Совет Безопасности медлил, ведя переговоры с США, которые отказались ввязываться в конфликт. Страны – участницы ООН стали выводить своих солдат численность контингента ООН сократилась до 270 человек [15]. Начался геноцид, который продолжался 3 месяца. Погибло около 1 миллиона человек и тутси и хуту.

«Начавшееся в середине июня наступление РПА на севере страны, вызвало новую волну беженцев (хуту). ООН одобрила инициативу Франции на проведение операции «Бирюза». 23 июня в западной части Руанды (в Чьянгугу) высадились подразделения французских военнослужащих численностью до 2 тыс. человек. Они должны были обеспечить безопасность беженцев и создать условия для работы международных гуманитарных организаций» [16]. Под руководством Франции были развернуты многонациональные силы, которые создали на юго-западе Руанды безопасную гуманитарную зону, было спасено более 1 миллиона человек.

Необходимо отметить, что руководство многонациональными силами осуществлялось французским военным командованием без постоянного участия Совета Безопасности, как это предусмотрено в главе VII Устава ООН. Это вынужден был признать и Генеральный Секретарь ООН [17].

4 июля силы РПА захватили столицу, а к концу августа взяли под контроль всю территорию страны. Совет Безопасности 22 июня 1994 г. утвердил многонациональную

операцию и, действуя на основании главы VII Устава ООН, уполномочил государств - членом использовать все необходимые меры для достижения гуманитарных целей. Было создано коалиционное правительство, и член руководства Патриотического Фронта Руанды Поль Кагаме (тутси) сосредоточил власть в своих руках, и позднее стал президентом.

Совет Безопасности принял решение о том, что ситуация в Руанде представляет собой геноцид [18]. «В начале июля 1994 г. по решению ООН была создана комиссия по расследованию обстоятельств и масштаба событий апреля-июня того же года, а в 1995 г. в Танзании (Аруша) начал работать Международный трибунал по делам геноцида в Руанде» [19].

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что в Руанде ООН показала свою несостоятельность промедлив, а затем передав свои полномочия государству, которое представило основное количество войск в многонациональные силы, и поручило этому государству применять силу в соответствии с главой VII Устава ООН. Применение силы было осуществлено для обеспечения права на жизнь миллионов людей во внутреннем конфликте.

Подобное положение сложилось и на Гаити, где были применены одинаковые механизмы участия ООН в разрешении катастрофических гуманитарных кризисов. Совет Безопасности ООН поручил США провести применение вооруженных сил для восстановления гуманитарной ситуации на Гаити, что спасло жизнь многих тысяч жителей острова [20].

Таким образом, сложилась практика уполномочивания Советом Безопасности группы государств - членом, готовых предпринять принудительные действия. В качестве примера таких действий можно назвать решения Совета Безопасности о полномочиях группы государств, предпринять принудительные меры против агрессии Ирака в Кувейте, а также принудительные меры для создания условий, позволяющих осуществлять операции по оказанию гуманитарной помощи в Сомали и Руанде и для оказания содействия в деле восстановления демократии в Гаити.

Сейчас, во многом в связи со снижением роли России в мировой политике, и повышением статуса других государств, встал вопрос ревизии Устава ООН. На наш взгляд внесение правок в Устав приведёт к разрушению организации, и мира в целом. Мы считаем, что Устав ООН создал строгую и детально уточненную систему функций и полномочий органов ООН в области поддержания международного мира и безопасности, сочетающуюся с соответствующими обязательствами государств - универсальную систему коллективной безопасности, безусловно, поддерживающей и международную стабильность. Заложенные в Уставе ООН основы системы безопасности вполне дают возможность реализовывать главные цели Организации.

Уже первые миротворческие операции ООН после окончания «холодной войны» (в Сомали, Руанде, урегулирование агрессии Ирака в Кувейте и др.) показали неспособность организации оперативно решать задачи по поддержанию мира. Первоначально возник прецедент, а затем сложилась практика, что функции Совета Безопасности были делегированы «интернациональным войскам», где абсолютное экономическое и военное лидерство принадлежит США.

Неразвитость вооружённых сил самой организации породила возможность применения военной силы от имени ООН какой – то страной, лидирующей в составе «интернациональных войск», что в добавок не урегулировано Уставом ООН. ООН оказалась не готовой ответить на вызов изменившегося мира. Оказался недостаточным материально – технический ресурс организации.

Мы считаем, что урегулирование международных конфликтов необходимо вернуть в лоно ООН, создав «резервные вооруженные силы» управляемые самой организацией, координируемые Советом Безопасности на прямую. Причём необходимо чётко определить правовой механизм таких действий.

На наш взгляд, причины кризиса организации в том, что мир изменился, а ООН не смогла перестроиться, оперативно среагировав на обновлённую международную ситуацию. Вместо того, чтобы облегчить, упростить в управлении некоторые структуры организация разрастается, бюрократизируется и усложняется, что делает её ещё менее мобильной. Однако альтернатив ООН нет, и не будет, в ближайшем будущем. Следовательно, все выше перечисленные факторы показывают необходимость глубокого реформирования ООН.

Основополагающий документ, регламентирующий деятельность ООН – это Устав. Самый острый вопрос, вставший в ходе реформ – это вопрос пересмотра Устава. Устав ООН, это беспрецедентное международное соглашение, на котором держится весь мировой порядок, и его изменение может привести к непредсказуемым последствиям (краху организации, изменению всего мирового порядка и т.д.). Мы убеждены, что Устав ООН нельзя подвергать ревизии! Внесение изменений в Устав даст повод перекраивать данный документ, когда и как вздумается, что неизбежно приведёт к краху, и так достаточно зыбкого мирового порядка.

В ООН уже более десяти лет ведутся дискуссии о реформах организации, не приводящие пока к конкретным, реальным делам.

Хочется обратить внимание на то, что изменилось само соотношение сил в мире после принятия Устава ООН в 1945 году. Особенно это стало ясно после окончания «холодной войны». На мировую арену вышли новые лидеры (Германия, Япония, Индия), которые претендуют на постоянное членство в Совете Безопасности, и желают обладать «правом вето». Именно это право во многом является «камнем преткновения». Постоянные члены Совета Безопасности не желают ущемлять свой статус, что и понятно, а претендующие на роль постоянных членов государства хотят иметь с ними равные права. Как сохранить привилегии постоянных членов, и не ущемляя их прав расширить Совет мощными государствами, вышедшими на мировую арену за последние годы, не нарушив при этом интересы небольших государств – одна из ключевых проблем реформирования организации.

Очевидно, что именно с изменением статуса России после окончания «холодной войны» возникли проблемы равенства постоянных членов Совета Безопасности. И если России в ближайшее время не удастся, хотя бы частично восстановить свою роль в мировой политике процесс реформирования ООН будет затягиваться, что мы и наблюдаем, а роль организации снижаться. В итоге это вообще может привести к дестабилизации международной безопасности, игнорированию ООН ведущими странами, и новому переделу мира. Тем не менее, заложенный в Устав ООН механизм международно-правовой безопасности вполне дает возможности для его успешного воплощения и в наше время.

Увеличились и усложнились локальные конфликты на этнической, религиозной, территориальной почве. Так называемые «гражданские войны» в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии требуют чёткого правового и военного разрешения. Данные конфликты разрешимы только при активном посредничестве ООН, и повышении политического, военного и экономического статуса и миротворческой роли России.

Примечания:

1. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Изд-во Международные отношения. М., 1998. С. 13–14, 21, 27–30, 36–43.

2. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Изд-во Международные отношения. М., 1998. С. 28.

3. Шагалов В.А. Политическое урегулирование как составная часть миротворческой операции ООН в Сомали (1992–1995 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 253–263; Годенов И.С. Теоретические подходы в исследовании общей политики безопасности и обороны Европейского Союза // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 72–75.

4. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/751 (1992) от 24 04.1992. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1992.shtml>

5. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/767 (1992) и S/RES/ 775 (1992) от 27 07.1992. <http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml>

6. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/794 (1992). от 3.12.1992 <http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml>

7. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/794 (1992). от 3.12.1992 <http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml>

8. Шагалов В.А. Миротворческая операция ООН в Сомали в 1992 – 1995 годах Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. № 1. С. 157–177.

9. Шагалов В.А. Политическое урегулирование как составная часть миротворческой операции ООН в Сомали (1992–1995 гг.)// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 253-263.
10. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/872 (1993) от 05.10.1993. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>
11. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/893 (1994) от 06.01.1994. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1994.shtml>
12. Шлёнская С.М. Республика Руанда : справ. / Шлёнская СМ. Ин-т Африки РАН. М. 2012. С.47.
13. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/909 (1994) от 05.04.1994. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1994.shtml>
14. Шлёнская С.М. Республика Руанда : справ. / Шлёнская СМ. Ин-т Африки РАН. М. 2012. С.48.
15. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/912 (1994) от 21.04.1994. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1994.shtml>
16. Шлёнская С.М. Республика Руанда : справ. / Шлёнская СМ. Ин-т Африки РАН. М. 2012. С.49
17. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/794 (1992) от 03.12.1992. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1992.shtml>
18. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/929 (1994) от 22.06.1994. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1994.shtml>
19. Шлёнская С.М. Республика Руанда : справ. / Шлёнская СМ. Ин-т Африки РАН. М. 2012. С.50.
20. Резолюция. Совета Безопасности ООН S/RES/964 (1994) от 29.11.1994. <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1994.shtml>

УДК 93

Деятельность ООН на новом историческом этапе: завершения конфронтации двух сверхдержав

Валерия Вячеславиевна Шапаренко

Сочинский государственный университет, Россия
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу причин фактического бездействия ООН в урегулировании международных конфликтов после окончания «холодной войны». Этапов истории операций ООН в начале 1990-х гг. Рассмотрению Устава ООН как основного правового регулятора ответственности государств за нарушения международной безопасности.

Ключевые слова: Устав ООН; окончание «холодной войны»; международная безопасность; реформирование ООН.

II. HISTORIANS

UDC 94

“WE USED TO BE THE STRANGE STUDENTS OF THE STRANGE DEPARTMENTS”: Review of O.L. Ryabchenko’s Monograph “Students of Soviet Ukraine of 1920-1930s: Daily Life and Identification Conflicts. Kharkov”: Kharkov National Academy of Municipal Services, 2012. 456 p. ISBN 978-966-695-238-0 (Ukrainian language)

Aleksandr Yu. Rozhkov

Kuban State University, Russia
Dr. (History), Professor

Введение. Ольга Леонидовна Рябченко хорошо известна сообществу украинских и российских (и не только) историков, занимающихся исследованиями повседневной жизни советского студенчества первой половины XX века. Научная общественность знакома с её интересными и глубокими по содержанию публикациями в исторических журналах и сборниках научных трудов, докладах на международных конференциях [1]. Сравнительно недавно вышедшая в свет монография О.Л. Рябченко о студентах советской Украины была с нетерпением ожидаема специалистами, в том числе и автором этих строк.

Прежде всего, с чувством глубокого удовлетворения должен признать, что Ольга Рябченко своим исследованием в какой-то мере реализовала мои давнишние мечты предметно изучить мир студентов в раннем советском обществе, выходя за рамки ранее избранного мною ракурса рассмотрения студентов как одной из групп молодежи. Несмотря на то, что она не первопроходец в исследовании студенческого образа жизни, повседневности и идентичности (достаточно упомянуть работы А. Маркова, Е. Постникова, А. Квакина, Е. Платовой, О. Лаврут, В. Прилуцкого и др. [2]), книга О.Л. Рябченко занимает в этом ряду свое достойное место, прежде всего, как комплексный труд по изучению одного из наиболее интересных и своеобразных студенческих «отрядов» - украинского студенчества. Именно региональный взгляд на студенчество сквозь призму «советскости» культурного, социального и политического контекста вызывает априорный интерес и соответствующие ожидания в отношении этой книги. Кроме того, здесь описывается студенчество не только 1920-х, но и 1930-х гг., которое до сих пор практически не изведено.

Автор монографии подходит к ретроспективному изучению украинских студентов «как субъектов социально-экономических преобразований советской власти и процесса социальной стратификации социума» (с. 6). В этом коренное отличие данного исследования от господствующего тренда в советской историографии – видеть в студентах 1920–1930-х гг.

исключительно объект истории, объект воздействия государственно-партийной идеологии, объект формовки новой советской интеллигенции через «завоевание» высшей школы.

По мнению О.Л. Рябченко, «процессы идентификации и самоидентификации как регуляторы и одновременно катализаторы разных сторон обиходности», чрезвычайно выразительно проявляются именно в среде студенческой молодежи, поскольку сама эта среда является «наиболее мобильной, достаточно чувствительной к всевозможным изменениям и вторжениям в их самобытный мир». Студенчество 1920-1930-х гг. интересует украинского историка «в повседневном срезе его бытия», куда автор относит «поиски идейных и ценностных ориентиров на перекрестке разносторонних силовых линий общественного существования, попытки приспособления к советской действительности с наименьшей ущербностью для собственных душевных стремлений, попытки скрыть и тем самым сохранить свое собственное “Я”».

О.Л. Рябченко выражает свою убежденность в том, что устоявшиеся в студенческие годы социально-политические взгляды и мировоззренческие установки, избранные ориентиры социальной идентичности молодых людей «в большой мере определили в будущем ментальные особенности советской эпохи» (с. 6). С этим трудно спорить. Путевка в вуз для многих юношей и девушек действительно стала путевкой в жизнь. Многие из студентов 1920-30-х гг. впоследствии становились партийными выдвиженцами, новой советской элитой. Поэтому понять их психологию и образ жизни – значит существенно приблизиться к пониманию ментальных особенностей советского человека.

Автор не скрывает, что познание студента в системе тех ценностных координат, которая сформировала советская эпоха 1920-30-х гг. – задача не из легких. И в этом признании нет скрытого кокетства на случай исследовательской неудачи. Стоит согласиться с автором в том, что «объективно изобразить трудно даже самих себя и своих современников, а те времена уже едва просматриваются сквозь мрак десятилетий, к тому же над исследователями тяготеют стереотипы восприятия, зафиксированные официальной историографией и идеализация послереволюционной эпохи многочисленными сторонниками» (с. 12).

Для освещения поставленной проблемы О.Л. Рябченко привлечены значительные массивы документов, хранящихся как в украинских, так и российских архивах. История высшей школы, по сравнению с другими социальными институтами и сферами жизнедеятельности, в целом хорошо представлена документально. Автором использованы документы 16 хранилищ: 7 центральных архивов Украины и России, 5 региональных архивов Украины и России, а также 4 музеев высших учебных заведений Украины (при этом в списке источников на с. 382-383 почему-то указаны только 9 архивов и 1 музей).

Приоритетными источниками для данного исследования правомерно стали эго-документы – письма студентов (личные и «к власти»), воспоминания (преобладают написанные в эмиграции или после краха советской системы), синхронные дневники (автор указывает на их редкость), анкеты, автобиографии, а также официальные документы (комплексы следственных дел арестованных студентов, оперативные документы, специальные сводки органов ГПУ-НКВД и др.). Изучению практик повседневного поведения студентов способствовали фольклорные произведения, газетная и журнальная публицистика, художественная литература (реалистические произведения, новеллистика, интеллектуальный роман), использованные автором. Подавляющее большинство эго-документов вводится автором в научный оборот впервые. Опубликование или введение в научный оборот значительной части официальных документов другими исследователями не снижает степени их информативности при исследовании проблем повседневности студентов 1920-1930-х гг.

Книга о студентах раннесоветской Украины состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка условных сокращений и аббревиатур, списка иллюстраций и именного указателя.

В первом разделе, состоящем из трех параграфов, автор рассматривает студентов как объект и субъект социальной и культурной политики большевиков. Из обширного фактуального материала, собранного Ольгой Рябченко, перед нами предстает калейдоскоп образов жертв политики пролетаризации вузов и тех счастливых из «трудового элемента», которым советская власть проложила дорогу в «светлое будущее». Несмотря на

титанические усилия власти по пролетаризации высшей школы, в конце 20-х – начале 30-х гг. в вузах обучался очень пестрый социальный состав студентов. Вместе с тем проведение этой классовой линии дорого обошлось не только для высшей школы, но и для всего общества, поскольку утратились традиции преемственности высшего образования, сложившиеся до 1917 г.

Особого внимания в первом разделе заслуживает параграф о конструировании студентами «пролетарской» идентичности. Автор показывает, как большевистский проект стал генератором социальной мимикрии. Студентам приходилось постоянно доказывать свою лояльность режиму, для чего было очень важно иметь пролетарское происхождение, а при неимении такового – демонстрировать свою «пролетарскость» через ношение костюма, язык, манеры поведения. В моду вошли кожаные куртки, галифе, юнгштурмовки и кеппи. Пролетарскую идентичность дополняли мат и жаргон, грубая речь. В вузовской среде слово «товарищ» стало вытеснять дореволюционное обращение «коллега». Чтобы не быть обвиненными в низкопоклонстве и заподозренными в социально-чуждом происхождении, студенты не должны были обращаться к преподавателям по имени и отчеству. «В новом пространстве человек со старыми культурными навыками чувствовал себя неуютно, все сразу становилось каким-то чужим, в то время как носители нового дискурса чувствовали себя хозяевами жизни и властителями человеческих судеб», – справедливо отмечает О.Л. Рябченко (с. 82-83).

Во втором разделе книги вниманию читателей предлагается анализ взаимоотношений двух основных студенческих миров – «старого» и «нового» студенчества – как проявление преемственности и разрыва традиций дореволюционной высшей школы. Навязывание гражданам большевистского шаблона мировосприятия приводило к бытованию в обществе упрощенной системы ценностей, что неизбежно вело к разграничению «своих» и «чужих», диктовало необходимость постоянных поисков «врагов», в том числе и в студенческой среде. Автор уточняет свою трактовку оппозиции «свой»/«чужой», выходя за рамки исключительно классового понимания этой дихотомии. О.Л. Рябченко отмечает, что лексема «враг» в течение всего исследуемого периода употреблялась чаще всего для определения «чужих», это был обобщенный образ всех противников социализма. Зато количество и состав этих «врагов» на рубеже десятилетий стали совсем другими: на первый план выходят разного рода оппозиционеры. «Классовые враги» – «кулацкие элементы», буржуазия, т. е. «бывшие люди», – также остались, но их ряды постоянно пополнялись «несогласными» с режимом. Поэтому «кулаком» мог стать крестьянин-бедняк, а «злейшим врагом народа» – пролетарий в третьем поколении и даже комсомолец или партиец. «Свой» тотчас превращался в «чужого», стоило только ему усомниться в верности решений партии. «Чужими» легко могли стать студенты, которых отличала от общественности активная самостоятельная жизненная позиция (с. 122).

Ольга Рябченко перечисляет и описывает несколько типичных стратегий, которые использовались «бывшими людьми» с целью получения высшего образования: активная поддержка власти, изменение прошлого, сокрытие прошлого. Эти стратегии по существу являлись стратегиями выживания. Во многом они совпадали с жизненными стратегиями многих дворян в раннесоветском обществе, которые в основном заключались в интенсивной территориальной мобильности по направлению «периферия-центр» и «периферия-периферия», в «убегании от власти». В противовес стратегии достижения «новых людей», направленной на вхождение в институты власти, «бывшие» стремились как можно дальше дистанцироваться от нее. Массовые внутренние миграции и индустриализация помогали «бывшим» затеряться на просторах огромной страны. Вместе с тем, стратегия выживания значительной части студентов из «бывших» включала искренние поведенческие устремления интегрироваться в советское общество, найти свое место в новой жизни. Однако власть зачастую даже не пыталась поверить в их благонамеренность.

В течение исследуемого О.Л. Рябченко периода обобщающим образом всех противников социализма – и «социально-чуждых», и оппозиционеров, и людей с собственным мировоззрением – был образ «врага». Против таких врагов направлялись всевозможные «чистки» студенческого состава. В то же время автор видит главное назначение перерегистраций и «чисток» не только в исключении «социально враждебных элементов», а в психологическом давлении («моральном прессинге»), в запугивании всех

студентов, независимо от их социального происхождения. Это несколько отличает авторскую интерпретацию «чисток» от трактовок других исследователей, однако трудно не согласиться с О.Л. Рябченко в том, что «чистки» стали для власти надежным способом преодоления открытого сопротивления студентов и воспитания будущих преданных власти строителей нового общества. Перманентные чистки и аресты побудили подавляющее большинство студентов к «активному» конформизму: быть не просто молчаливым наблюдателем, а ярким сторонником политики тоталитарной власти. «Такая позиция способствовала разрушению характерной для общества в прошлом системы ценностей», - заключает автор.

Выявляя и обосновывая субъектность студенческой среды, О.Л. Рябченко останавливается на том, каким образом студенчество посылало вызовы власти – будь то участие в полулегальных организациях, протесты против пролетаризации вузов или нелюбимые оценки власти в устном и письменном «творчестве» студентов (нередко выражавшемся в политических анекдотах, антисоветских надписях на заборах или туалетных стенах). Эта тема естественным образом находит отражение в книге в виде прямой связи между органами политического сыска и студенчеством. Сотрудничество и противостояние между чекистами и студентами получает в настоящее время все большее освещение в литературе, и данное исследование вносит весомый вклад в разработку этой любопытной темы.

Третий раздел посвящен конкретизации и описанию практик академической повседневности. «Мы были странными студентами на странных кафедрах» - этот заголовок параграфа по праву можно считать лейтмотивом учебной повседневности студентов 1920-30-х. В течение исследуемого периода все советские вузы, в том числе и украинские, постигла череда перманентных реформ. Учебно-методическая работа очищалась от «всякого хлама», старые учебные планы и программы сменялись новыми, радикальными. Наряду с материальными лишениями и психологическим давлением эти реформы стали для профессуры тяжелым испытанием. Жизнь учащихся была не легче.

В книге О.Л. Рябченко перед нами предстают образы успешных студентов из «бывших», для которых, как для А. Утевского [3], введенная предметная система обучения стала просто находкой. Она позволяла окончить курс высшей школы за два года и тем самым не только быстрее трудоустроиться, но и избежать «чисток». Но не менее счастливы и цельные натуры из студентов-пролетариев, которые, как Дмитрий из «Небольшой драмы» В. Подмогильного [4], живя фунтом ржаного хлеба в день, имел достаточно воли, чтобы упорно «шлифовать свой не столько бездарный, сколько неумелый и слишком конкретный мозг». На втором курсе он уже выровнялся в науке, на третий год обучения получил стипендию и окончил вуз не последним студентом.

Ольга Рябченко особое место в работе уделяет вузовским инновациям тех лет – бригадно-лабораторному методу, Дальтон-плану, ударничеству, соцсоревнованию и др. Вместе с тем трудно не согласиться с заключением автора о том, что «формально активные методы обучения стали явлением общепризнанным, однако фактически в вузах эта работа продвигалась довольно медленно. Обучение проводилось по старинке, “за исключением небольшого количества лекторов, которые оставив старый метод, находились в периоде “искания” нового”. Все осталось почти без изменений» (с. 239). Этот консервативный традиционализм высшей школы имел и другую сторону. Разрекламированная для пролетарской молодежи «справедливость» по классовому признаку в доступе к образованию для многих из них обернулась «несправедливостью» в институциональном смысле: система высшего образования была не рассчитана на предоставление элементарных знаний и отталкивала малограмотную и неспособную к усвоению дисциплин молодежь. На деле получить высшее образование больше шансов было у тех студентов, которые имели для этого необходимый потенциал, т. е. в основном у выходцев из «бывших». Определенная стабилизация, по мнению Ольги Рябченко, наступила лишь с середины 1930-х, когда в вузы стала приходить подготовленная молодежь после десятилеток или рабфаков, а также были отменены классовые привилегии при поступлении.

Описывая практики социального взаимодействия студентов и преподавателей, автор отмечает, что профессура вместе со знаниями передавала студентам и свои мировоззренческие установки, нормы морали. Для ограничения такого воздействия

использовались революционные формы и методы преподавания, которые давали возможность уменьшить роль профессора до уровня простого консультанта. В среде студентов методично и целенаправленно насаждался нигилизм по отношению к профессорской корпорации. Но, несмотря на давление, большая часть «старой» элиты продолжала честно работать и отдавать свои знания молодому поколению, способствуя постепенному «перерождению» малосведущих, но заинтересованных в постижении наук студентов. Однако давать однозначную оценку отношениям внутри корпорации, по мнению автора, невозможно – «в новой высшей школе наряду с порядочностью существовала корысть, была в почете и поддерживалась система доносов, отслеживание, как необходимое условие внушения коллективам вузов страха перед государством, перевоспитание их в новом, тоталитарном духе» (с. 282).

Автор посвящает отдельный раздел стандартам и стилю жизни студентов советской Украины довоенного периода. Пожалуй, этот аспект исследования выписан Ольгой Рябченко наиболее колоритно. В книге на огромном материале показана жизнь студентов, которая у подавляющего большинства не была легкой и беззаботной. Государственное обеспечение в 1920–1930-х гг. оставалось чрезвычайно скудным и предполагалось только для «своих». Но нищая повседневность не стала существенным препятствием на пути получения образования для многих молодых людей, которые пришли «завоевывать» высшую школу.

«Вы представляете студенческое общежитие? Небольшая комнатка, а в этой комнате – 40 будущих специалистов. Все они в один лад: звали, читали, пели и кричали. В воздухе пахло: портянками, луком и селедками. Это необходимые химикаты студенческого общежития», - читаем мы в эпиграфе к третьему параграфу. Общежитие – одно из основных мест досуга студентов, который наряду с другими сферами их жизни находился под пристальным идеологическим контролем. Новая идеология формировала соответствующий тип студента, извлеченный автором из воспоминаний современников: «Что для нас важнее: комсомол или?.. Конечно, футбол, но признаться в этом мы не могли. Нельзя! Думай, что угодно, а говори, что нужно. Практически с пеленок мы жили в казарме и так прониклись казарменным духом, что в себе его не чувствовали ... » (с. 359). По меткому выражению О.Л. Рябченко, студенческая жизнь имела свой «фасад» и «черный ход». «На поверхности – огромные портреты Сталина, флаги и лозунги, театрализованные и спортивные шоу под звуки маршей на гигантских стадионах и центральных площадях или улицах городов – наглядное воплощение «счастливого» и «обеспеченного» жизни чрезвычайно благодарной молодежи. <...> И все же серьезная реальность нередко заставляла хотя бы задуматься над контрастами, над странными, непонятными, трагическими событиями, которые происходили ежедневно, над несоответствием лозунгов и повседневных проблем растерянных, вечно голодных, психологически подавленных людей» (с. 372).

Квинтэссенцией всего исследования являются «контуры основных типов студентов», которые очерчивает автор в заключение своей работы. Эта «контурная» типология представляется мне одним из самых сильных мест в монографии. Автор дифференцирует студенчество не по традиционному социально-классовому типу, а, скорее, по типу жизненных стратегий. Ольга Рябченко выделяет «новых студентов», среди которых были не только слепые исполнители воли партии, комсомольские и партийные карьеристы. В этот ряд вписались и выходцы с «социально-враждебной» среды, внимание к происхождению которых уже не акцентировалось властями. К «другой категории студентов» она относит талантливую и сознательную молодежь, которая искренне верила в «светлое будущее», личным участием поддерживала все кампании власти, упорно «грызла» гранит науки. Среди них встречались выходцы как из бывших социальных низов, так и привилегированных классов, как коммунисты и комсомольцы, так и беспартийные. В советской действительности такие студенты нередко квалифицировались как «чужие», становились объектами для критики, чисток и репрессий. Наиболее распространенным типом студента той эпохи стал, по мнению автора, конформист, который пытался вести незаметную жизнь, не вмешиваться ни во что, не разоблачать «врагов» в своей среде, но и не мешать делать это другим, созерцать «чистки» профессорско-преподавательского состава и студентов, голосуя исключительно «за» во время таких процессов. «В повседневную жизнь прочно входил компромисс как нормальный способ выстраивания отношений с собой,

окружающими и государством. Однако и он не всегда был спасением от политического давления и моральной экзекуции», - справедливо заключает автор.

Прекрасный язык, легкий стиль письма являются неоспоримым украшением монографии О.Л. Рябченко. К этому можно добавить аккуратный «женский» стиль исполнения работы. Чудные, порой не сразу понятные по смыслу поэтические строки эпиграфов предваряют каждый параграф, каждую главу. Многочисленные и качественные фотоснимки, карты, диаграммы и в целом художественное оформление делают книгу привлекательной в полиграфическом исполнении.

В качестве замечаний можно указать на отсутствие методологического блока во введении, описания исследовательской «лаборатории» автора. Не всегда содержание четко соответствует заявленному названию параграфа – настолько многослойный, полиаспектный материал, что автору, очевидно, не без труда пришлось распределять его по разным логическим «ячейкам» (например, тема питания студентов в параграфах 4.1 и 4.2, тема одежды в 1.2 и др.). На мой взгляд, значительную часть из списка литературы, являющуюся синхронными изданиями, правомернее было бы отнести к источникам. Не всегда выдержан баланс между описанием 1920-х и 1930-х, хотя следует признать, что автору удалось многое в реконструкции малоисследованной вузовской жизни в 30-е годы. Слабо представлена зарубежная историография за исключением двух известных работ Ш. Фицпатрик [5] (правда, автор относит к категории зарубежных и российских историков, что расширяет этот блок историографического обзора). Вероятно, более обстоятельное изложение 1-2 микроисторических сюжета из жизни студенчества (даже в виде отдельных параграфов) акцентировало бы описание повседневности «снизу» и «изнутри». Как в целом по тексту, так и в отдельных деталях работы «украинский» контекст, бесспорно, довлеет, что логично вытекает из темы работы. Однако для российского читателя (вероятно, не только российского) было бы интересно больше узнать об украинской специфике вузовской жизни, отличалась ли она чем-то от повседневности российских вузов, или советский «тоталитаризм» нивелировал национальную самобытность и местный колорит. Иногда это проскальзывает в тексте, но системного ответа на этот вопрос в книге нет. К тому же некоторые примеры (мемуары В. Богдан) относятся к российским вузам. Очевидно, сравнения украинских и союзных/российских показателей в многочисленных таблицах только бы добавили «плюсов» работе.

В целом же книга производит самое благоприятное впечатление, и хотелось бы поздравить автора с замечательным научным трудом, а научное сообщество – с новым вкладом в историографию советского периода. Надеюсь, что этой книгой тема студенчества для О.Л. Рябченко не исчерпана, и мы еще увидим ее новые открытия вузовской повседневности. А этой монографии желаю найти путь и к российскому читателю, что станет более реальным после издания ее на русском языке.

Примечания:

1. *Рябченко О.Л.* Очерки из жизни украинского студенчества (1920-е годы) // Эпоха. Культуры. Люди: (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы). Харьков, 2004. С. 267–285; *Её же.* Реконструкція студентської повсякденності 1920-х років: джерельні пріоритети // Історіографічні дослідження в Україні. К., 2008. Вип. 19. С. 378–392; *Её же.* Студентство у символічному просторі міста радянської України (1920-ті рр.) // Етнічна історія народів Європи: Збірник наукових праць. К. 2009. Вип. 28. С. 22–31; *Её же.* Сміховий контекст студентської повсякденності // Нариси повсякденного життя Радянської України в добу НЕПу (1921–1928 рр.): кол. моногр.: в 2 ч. / відп. ред. С.В. Кульчицький. К., 2010. Ч. 2. С. 126–150; *Её же.* «Исключить как социально-непригодный элемент»: Стратегии выживания представителей «социально-чуждых» в высших учебных заведениях (1920-е годы) // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы межд. науч. конф. Смоленск, 9–11 окт. 2009 г. М., 2011. С. 546–555 и др.

2. *Платова Е.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. 1917–1927 гг. СПб., 2001; *Марков А.* Что значит быть студентом. М., 2005; *Квакин А.В., Постников Е.С.* Завоевание высшей школы. Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917– конец 1930-х годов). М., 2009; *Лаврут О.О.* Студентство

радянської України в 20-ті роки ХХ ст.: дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2004; Прилуцький В.І. Матеріально-побутові умови життя студентства Радянської України 1920-х рр. // УІЖ. 2008. № 3. С.86–101; Рожков А. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2002.

3. Утевский А.М. Начало пути: из книги «Высшая школа. Путь исследования и исследование пути» // Universitates = Университеты. Х., 2005. № 3. С. 63–75.

4. Підмогильний В. Невеличка драма // Досвід кохання і критика чистого розуму. Валер'ян Підмогильний: тексти і конфлікт інтерпретацій. К., 2003. С.21–244.

5. Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 368 p.; Eadem. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65, № 4. P. 745–770.

УДК 94

**«МЫ БЫЛИ СТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ НА СТРАННЫХ
КАФЕДРАХ»: Рецензия на монографию Рябченко О.Л.
Студенты советской Украины 1920-1930-х годов: практики
повседневности и конфликты идентификации. Харьков :
Харьк. нац. акад. город. хоз-ва, 2012. 456 с. ISBN 978-966-695-
238-0 (на укр. яз.)**

Александр Юрьевич Рожков

Кубанский государственный университет, Россия
доктор исторических наук, профессор